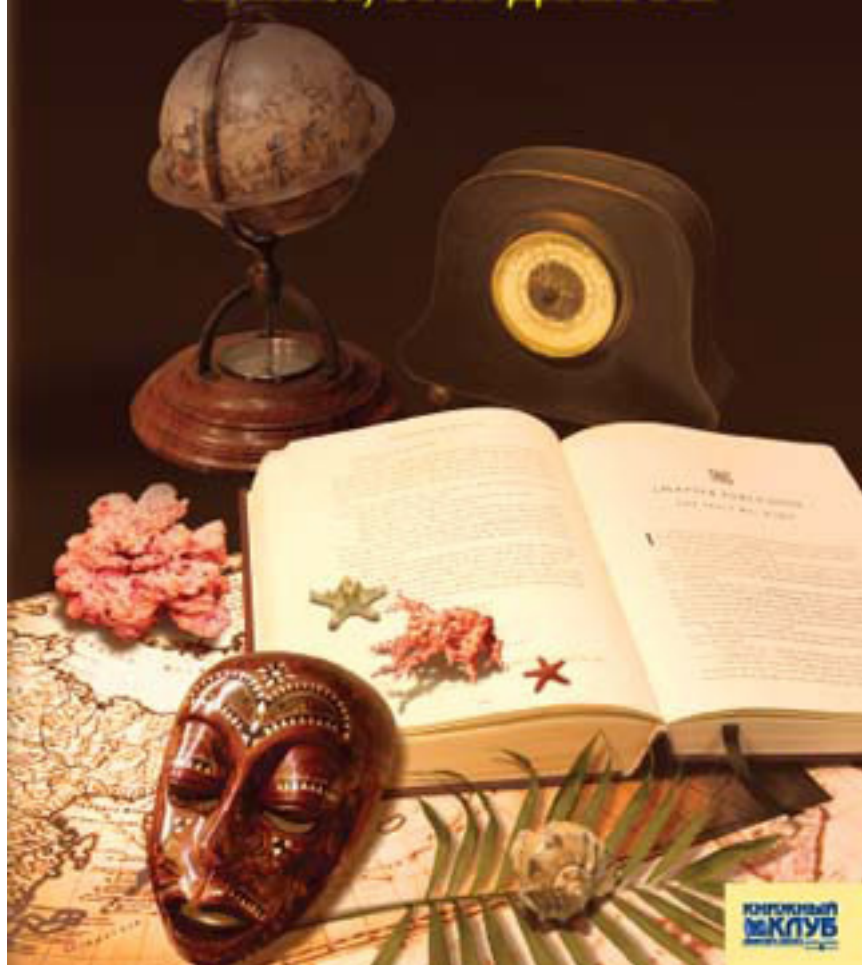

ДЖЕК ЛОНДОН

ДЖЕРРИ-ОСТРОВИТАНИН

*

МАЙКЛ, БРАТ ДЖЕРРИ

Джек Лондон
Джерри-островитянин.
Майкл, брат Джерри (сборник)

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7006577
Джерри-островитянин. Майкл, брат Джерри : Клуб Семейного Досуга; Харьков; 2011
ISBN 978-966-14-2560-5

Аннотация

Приключения собаки – героя моего романа – являются подлинными приключениями в весьма реальном мире каннибалов. Когда я с женой отплыл на «Миноте», мы нашли на борту очаровательного щенка – ирландского терьера, охотника за неграми; то была такая же гладкошёрстная собака, как и Джерри, а звали ее Пегги. Хозяином ее был великолепный шкипер «Миноты». Миссис Лондон и я так сильно к ней привязались, что миссис Лондон после крушения «Миноты» бесстыдно украла ее у шкипера «Миноты». Признаюсь: я столь же бесстыдно потворствовал преступлению жены. Мы так любили Пегги! Милая, славная собачка, погребенная в море у восточного берега Австралии!

Мне остается прибавить, что Пегги, как и Джерри, родилась у лагуны Мериндж на плантации Мериндж, находящейся на острове Изабелла. Этот остров лежит сейчас же к северу от Флориды, где находится правительство и где обитает полномочный резидент мистер К. М. Вудфорд. Я хорошо знал отца и мать Пегги и частенько с любовью следил, как эта верная пара бегала бок о бок вдоль берега. Отца действительно звали Терренс, а мать – Бидди.

Джек Лондон

Содержание

Джерри-островитянин	4
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Джек Лондон

Джерри-островитянин. Майкл, брат Джерри

Джерри-островитянин

Предисловие

Несчастье некоторых беллетристов заключается в том, что средний человек полагает, будто вымысел и ложь – одно и то же. Несколько лет назад я опубликовал «Рассказы Южных морей». Действие разыгрывалось на Соломоновых островах. Сборник удостоился похвалы критиков, признавших в нем весьма почтенный плод фантазии. Что же касается реализма, такового, по их мнению, не имелось. Ведь всякому известно, что волосатые каннибалы исчезли с лица земли, а следовательно, не разгуливают нагишом и друг другу, а иной раз и белому человеку не отрубывают голов.

Ну, так слушайте! Эти строки я пишу в Гонолулу, на острове Гавайи. Вчера на берегу Вайкики со мной заговорил один незнакомец. Он упомянул о нашем общем друге, капитане Келларе. Когда я на «Миноте» – судне, вербовавшем чернокожих рабочих, – потерпел крушение у Соломоновых островов, спас меня этот самый капитан Келлар, шкипер вербовщика «Эжени». Незнакомец сообщил мне, что чернокожие завладели головой капитана Келлара. Ему это было известно. Он был уполномочен матерью капитана Келлара ликвидировать его имущество.

Слушайте дальше! На днях я получил письмо от полномочного резидента британских Соломоновых островов, мистера К. М. Вудфорда. Он вернулся на свой пост после длительного отпуска, проведенного им в Англии, где он устраивал сына в Оксфордский университет. Порывшись на полках любой общественной библиотеки, можно извлечь на свет книгу «Натуралист среди охотников за головами». Мистер К. М. Вудфорд – естествоиспытатель и автор этой книги.

Вернемся к письму. Повествуя о своих повседневных заботах, мистер Вудфорд мимоходом упоминает о только что выполненном специальном задании. Его отъезд в Англию послужил причиной отсрочки. То была карательная экспедиция на соседний остров, между прочим и для поисков голов некоторых наших общих друзей-белых: негоцианта, его жены, детей и клерка. Экспедиция прошла успешно, и мистер Вудфорд заканчивает свое повествование об этом эпизоде такими словами: «Особенно поразило меня отсутствие страдания и ужаса в их лицах, выражавших скорее безмятежное спокойствие». Заметьте – это он пишет о людях своей же расы, о людях, хорошо ему знакомых и частенько обедавших с ним в его собственном доме.

И другие друзья, с которыми я сживал за обедом в те удалые, веселые дни на Соломоновых островах, погибли таким же образом. Боже мой! Я отплыл на кече¹ «Минота», шедшем на Малаиту вербовать рабочих, и взял с собой жену. Следы топора еще не изгладились на двери нашей крохотной каюты, свидетельствуя о событии, происшедшем несколько месяцев назад, когда отрубили голову капитану Маккензи, бывшему в то время шкипером «Миноты». Подходя к Ланга-Ланга, мы увидели британский крейсер «Кэмбриен», удалявшийся после обстрела одной из деревень.

Не имеет смысла обременять введение к моему рассказу дальнейшими деталями, каких, утверждаю, я могу привести множество. Надеюсь, мне удалось до известной степени заверить, что приключения собаки – героя моего романа – являются подлинными приключениями в весьма реальном мире каннибалов. Когда я с женой отплыл на «Миноте», мы нашли на борту очаровательного щенка – ирландского терьера, охотника за неграми; то была такая же гладкошёрстная собака, как и Джерри, а звали ее Пегги. Хозяином ее был великолепный шкипер «Миноты». Миссис Лондон и я так сильно к ней привязались, что миссис Лондон после крушения «Миноты» бесстыдно украла ее у шкипера «Миноты». Признаюсь: я столь

¹ Кеч – маленькое двухмачтовое береговое судно.

же бесстыдно потворствовал преступлению жены. Мы так любили Пегги! Милая, славная собачка, погребенная в море у восточного берега Австралии!

Мне остается прибавить, что Пегги, как и Джерри, родилась у лагуны Мериндж на плантации Мериндж, находящейся на острове Изабелла. Этот остров лежит сейчас же к северу от Флориды, где находится правительство и где обитает полномочный резидент мистер К. М. Вудфорд. Я хорошо знал отца и мать Пегги и частенько с любовью следил, как эта верная пара бегала бок о бок вдоль берега. Отца действительно звали Терренс, а мать – Бидди.

Джек Лондон

Глава I

Пока мистер Хаггин не подхватил его неожиданно под мышку и не спустился на корму поджидавшего вельбота, Джерри и не подозревал, что ему грозит какая-нибудь неприятность. Мистер Хаггин был его любимым господином в течение всех шести месяцев жизни Джерри. Джерри не знал мистера Хаггина под именем «господина», ибо слову «господин» не нашлось места в словаре Джерри. А Джерри был гладкошёрстным золотисто-рыжим ирландским терьером.

Но в сознании Джерри «мистер Хаггин» значит то же самое, что в наших словарях значит для собаки слово «господин». Слова «мистер Хаггин» Джерри слышал постоянно: так называли его господина многие – Боб, клерк и Дерби, надсмотрщик на плантации. И редкие посетители, двуногие человеческие существа, вроде тех, кто приехал на «Эренджи», обращались к его господину «мистер Хаггин».

Но собаки в своем смутном, неясном, переоценивающем людей сознании возносят своих господ и любят их больше, чем те заслуживают. «Господин» значит для них то же, что значил «мистер Хаггин» для Джерри, – больше, значительно больше, чем для людей. Человек считает себя «господином» своей собаки, но собака считает своего господина «богом».

Однако слова «бог» не было в словаре Джерри, хотя он уже успел приобрести определенный и довольно пространственный словарь. «Мистер Хаггин» значило то же, что и «бог». Для Джерри слова «мистер Хаггин» звучали так же, как звучит слово «бог» для людей, ему поклоняющихся. Короче – мистер Хаггин был богом Джерри.

Итак, когда мистер Хаггин, или бог, или называйте его, как хотите, пользуясь нашим ограниченным языком, властно и резко поднял Джерри, сунул его под мышку и спустился вельбот, а черная команда сейчас же склонилась к веслам, Джерри немедленно всем своим существом ощутил, что началась полоса необычайного. Раньше он никогда не бывал на борту «Эренджи», выраставшего перед ним с каждым свистящим ударом весел, на которых сидели чернокожие.

Всего час назад Джерри пришел из дому на берег посмотреть на отплытие «Эренджи». Уже дважды за полгода своей жизни испытывал он это удовольствие. А удовольствие было незаурядное – бегать вверх и вниз по белому берегу из коралла, раздробленного в песок, и под мудрым руководством Бидди и Терренса не только принимать участие в суматохе, царившей на берегу, но и самому подбавлять жару.

Здесь шла охота на негров. Джерри родился, уже ненавидя негров. Еще пискливым щенком он на опыте убедился, что Бидди, его мать, и его отец Терренс ненавидят негров. На негра следовало рычать. На негра, если только он не был домашним слугой, нужно было кидаться, кусать его и рвать всякий раз, когда он появлялся во дворе фактории². Так поступала Бидди. Так поступал Терренс. Этим они служили своему богу – мистеру Хаггину.

² Фактория – торговое поселение со складами для товаров.

Негры были низшими двуногими созданиями, которые, как невольники, работали на своих двуногих белых господ, жили в рабочих бараках далеко в стороне и, как существа низшие и ничтожные, не смели приближаться к жилищу своих господ.

А охота на негров была отважным предприятием. Об этом Джерри узнал вскоре после того, как научился ползать. Приходилось идти на риск. Пока мистер Хаггин, Дерби или Боб находились поблизости, негры переносили преследования. Но случалось, что белых господ поблизости не было. Тогда правило гласило: «Берегись негров!» На охоту можно было отважиться, только приняв все меры предосторожности. В отсутствие белого господина негры имели привычку не только хмуриться и ворчать, но и нападать на четвероногих собак, пуская в ход камни и палки. Джерри видел, как обижали его мать; да и его самого, пока он не научился уму-разуму, отколотил однажды в высокой траве негр Годарми, который носил на шее китайскую дверную ручку, висевшую на веревке, свитой из кокосовых волокон. Джерри помнил еще одно приключение в высокой траве, когда он и его брат Майкл сразились с негром Оуми, замечательным тем, что он носил на груди зубчатые колеса от будильника. Майкл получил такой удар по голове, что левое ухо у него навсегда осталось поврежденным; оно высохло, странно скрючилось и стояло твердо, торчком.

Мало того. У Джерри был брат Пэтси и сестра Кэтлин; два месяца тому назад они исчезли – перестали существовать. Великий бог мистер Хаггин бесновался, бегая по плантации. Обыскали заросли кустарника. Высекли с полдюжины негров. Мистеру Хаггину не удалось открыть тайну исчезновения Пэтси и Кэтлин. Но Бидди и Терренс знали. Знали и Майкл и Джерри. Четырехмесячные Пэтси и Кэтлин попали в кухонный котел в бараках, а их нежные щенячьи шкурки были уничтожены в огне. Джерри это знал не хуже, чем его отец, мать и брат; все они почуяли запах горелого мяса, а Терренс, придя в бешенство, даже напал на Могома, слугу, за что получил выговор и тумак от мистера Хаггина, ничего не почуявшего и не понявшего. А мистер Хаггин всегда внедрял дисциплину для всех существ, обитавших под его крышей.

Однако на берегу, где столпились со своими сундуками на головах все чернокожие, у которых окончился срок службы, готовясь отплыть на «Эренджи», охота на негров не грозила опасностью. Здесь можно было свести старые счеты, а другого случая уж не представилось бы, так как чернокожие, отплывшие на «Эренджи», назад никогда не возвращались. Так, например, в то самое утро Бидди, вспомнив удар, полученный некогда от Леруми, впила зубами в его голую икру и сбросила его в воду вместе с сундучком и всем его земным имуществом, а затем радостно скалила зубы, глядя на него, уверенная в защите мистера Хаггина, который, ухмыляясь, взирал на эту картину.

Кроме того, на борту «Эренджи» обычно находилась хоть одна дикая лесная собака, и Джерри и Майкл могли в полное удовольствие лаять на нее с берега. Однажды Терренс, который был немногим меньше эрдельтерьера и отличался такой же львиной храбростью, – Терренс Великолепный, как называл его Том Хаггин, – поймал дикую собаку, оскорбившую своим присутствием берег, и задал ей чудесную трепку. Джерри и Майкл, и Пэтси и Кэтлин, в то время еще здравствовавшие, со звонким лаем приняли участие в битве. Джерри никогда не мог забыть экстаз, охвативший его, когда рот его наполнился волосами, по запаху, несомненно, собачьими. Дикие лесные собаки были собаками – он признавал в них свою породу, но от его собственного высокого рода они чем-то отличались, были существами низшими, как негры в сравнении с мистером Хаггином, Дерби и Бобом.

Но Джерри перестал глядеть на приближавшийся «Эренджи». Бидди, умудренная прежними горькими разлуками, села у самого края песка, опустив передние лапы в воду, и горестно завывала. Джерри знал, что этот вой вызван его участью, и скорбь эта остро, хотя и смутно, терзала его чувствительное, горячее сердце. Он не знал, что предвещает ее вой, и ощущал надвигающиеся на него несчастье и катастрофу. Он глядел на нее – мохнатую,

удрученную горем, и видел, как Терренс заботливо вертится вокруг. Терренс и Майкл тоже были мохнатыми, как и Пэтси и Кэтлин, а Джерри являлся единственным гладкошёрстным членом семьи.

Далее – хотя об этом знал Том Хаггин, а не Джерри, – Терренс был любящим и преданным супругом. Джерри с раннего детства помнил, как Терренс имел обыкновение много миль бегать с Бидди вдоль зарослей кустарника или по аллеям, обсаженным кокосовыми деревьями; они бежали бок о бок, у обоих были радостно смеющиеся морды. Поскольку он знал только их, своих братьев и сестер да немногих забегавших к ним диких лесных собак, то и считал это обычаем всех собак, женатых и верных. Но Том Хаггин понимал всю необычность такого поведения.

– Славная порода, – не раз одобрительно заявлял он, и глаза его увлажнялись от умиления. – Настоящий джентльмен, этот Терренс, четвероногий честный мужчина. Пес-мужчина на четырех ногах, и не знаю, есть ли еще такой на свете. Высшая порода! Ей-богу! Его кровь скажется в тысяче поколений, и голова у него умная, и сердце мужественное.

Терренс если и горевал, то скорби своей вслух не проявлял; но его беспокойство о Бидди выражалось в том, что он кружился вокруг нее. Майкл, однако, заразился горем матери и, усевшись подле нее, гневно залаял на все увеличивавшуюся полосу воды, как стал бы лаять на всякую опасность, таящуюся в джунглях. Этот лай также сдавил сердце Джерри, и его предчувствие усилилось, что неведомая злая судьба на него надвигается.

Для своих шести месяцев Джерри знал и слишком много, и слишком мало. Он знал, не думая, однако, об этом, почему Бидди – мудрая и храбрая Бидди – не послушалась влечения своего сердца и не бросилась в воду, чтобы плыть вслед за ним. Она защищала его, как львица, когда большая пуарка (такова была в словаре Джерри – вместе с хрюканьем и визгом – комбинация звуков для слова «свинья») пыталась его сожрать, загнав на плантации в угол под домом на высоких сваях. Как львица, прыгнула Бидди на поваренка-негра, когда тот ударил его палкой, выгоняя из кухни. Она, не поморщившись, встретила сильный удар палки, затем повалила его на пол среди горшков и сковород и кусала, пока ее не оттащил мистер Хаггин. Мистер Хаггин не сделал ей ни малейшего замечания, но поваренок, осмелившийся поднять руку на четвероногую собаку, принадлежащую богу, получил резкий выговор.

Джерри знал, почему его мать не бросилась вслед за ним в воду. Соленое море, как и лагуны, ведущие к нему, было табу. Слово «табу» не имело места в словаре Джерри. Но смысл или значение его он отчетливо сознавал. Он знал смутно, неясно, но твердо, что входить в воду для собак в высшей степени опасно и такая смелость может повлечь за собой прекращение собачьего существования; в воде скользили и бесшумно двигались, иногда на поверхности, иногда выплывая со дна, большие чешуйчатые чудовища с огромными зубастыми челюстями; они утаскивали в глубину и глотали собаку с такой же быстротой, как куры мистера Хаггина клевали и глотали зерна.

Часто он слышал, как его отец и мать, сидя в безопасности на берегу, с ненавистью лаяли на этих страшных обитателей морей, когда те появлялись на поверхности воды у самого берега, напоминая плавучие бревна. Слова «крокодил» не было в словаре Джерри. Крокодил был образом – образом плавучего бревна, отличавшегося от всякого другого бревна тем, что оно было живое. Джерри слышал, запоминал и узнавал много слов, и ему они служили тем же орудием мысли, как и человеку, хотя он, не наделенный даром членораздельной речи, не мог этих слов выговорить. Тем не менее в процессе мышления он пользовался образами так же, как люди пользуются словами. В конце концов и человек в процессе мышления поневоле прибегает к образам, которые соответствуют словам и их дополняют.

Быть может, в мозгу Джерри возникавший в сознании образ плавучего бревна был теснее и полнее связан с самым предметом, чем слово «крокодил» и сопутствующий ему образ в сознании человека. Джерри действительно знал о крокодилах больше, чем знают люди. Он

мог почуять запах крокодила на большем расстоянии и более отчетливо, чем любой человек, даже негр-островитянин или бушмен. Он мог сказать, когда крокодил, вылезший из лагуны, лежит неподвижно и, быть может, спит в тростнике джунглей на расстоянии сотни футов.

О языке крокодилов он знал больше, чем знает любой человек. У него было больше способов и возможностей изучить его. Он знал разнообразные издаваемые им звуки, похожие на хрюканье и потрескивание. Он узнавал по этим звукам, когда крокодилы сердятся или испуганы, голодны или ищут любви. И звуки в его словаре занимали такое же определенное место, как слова в словаре человека. Они служили ему орудием мысли. По ним он взвешивал, решал и определял свое собственное дальнейшее поведение, как это делает каждый человек, или подобно человеку лениво отказывался от какого-либо действия и только отмечал и запоминал, что вокруг него происходило и не требовало с его стороны никакого соответствующего поступка.

И все же очень многого Джерри не знал. Он не знал величины земного шара. Он не знал, что эта лагуна Мериндж, окаймленная сзади высокими лесистыми горами, а спереди защищенная коралловыми островками, отнюдь не была всей вселенной. Он не знал, что она являлась лишь отрезком большого острова Изабеллы. А Изабелла была лишь одним – и даже не самым большим – островом из тысячи, образующих группу Соломоновых островов, которую люди обозначили на картах скоплением пятнышек на юго-западе Тихого океана.

Правда, он смутно подозревал о существовании чего-то иного за пределами лагуны Мериндж. Но это «что-то» было окутано тайной. Оттуда внезапно появлялись вещи, которых раньше не было. Куры, пуарки и кошки, никогда им раньше не виденные, имели обыкновение вдруг появляться на плантации Мериндж. Однажды произошло даже вторжение странных четвероногих, рогатых и волосатых существ, образы которых запечатлелись в его мозгу. В человеческом словаре им соответствовало слово «козы».

То же происходило и с неграми. Они, всегда взрослые, появлялись внезапно, неведомо откуда и разгуливали по плантации Мериндж с повязками на бедрах и с костяными палочками, продетыми в носу. Мистер Хаггин, Дерби и Боб назначали им работу. Что их появление совпадало с прибытием «Эренджи», казалось Джерри само собою разумеющимся. Далее он над этим не задумывался, отметив только, что их случайное исчезновение за пределы плантации подобным же образом совпадало с отплытием «Эренджи».

Джерри не допытывался о причине этих появлений и исчезновений. В его золотисто-рыжей голове никогда не возникало желания полюбопытствовать и постараться разрешить тайну. Он принимал ее точно так же, как принимал сырую погоду и жар солнечных лучей. Так делалось в той жизни и в том мире, какой он знал. Он смутно о чем-то подозревал – кстати, это подозрение точно соответствует неясному знанию человека о тайнах рождения, смерти и потустороннего, – о тайнах, каких человек до конца раскрыть не может.

Быть может, кеч «Эренджи», торговое судно, набиравшее негров-рабочих на Соломоновых островах, был для Джерри такой же таинственной лодкой, путешествующей между двумя мирами, какой в былые времена казалась людям лодка Харона³, перевозившая через Стикс. Из ничего приходили люди. В ничто они уходили. А приходили и уходили они всегда на «Эренджи».

И в то тропическое утро, добела раскаленное, к «Эренджи» направлялся Джерри в вельботе, сидя под мышкой у своего мистера Хаггина; на берегу Бидди выплакивала свое горе, а непосредственный Майкл своим лаем посылал в Неизвестное вечный вызов юности.

³ Харон – по верованию древних греков, перевозчик в подземном мире, перевозивший в лодке тени умерших через реку Стикс.

Глава II

Чтобы перейти с вельбота на низкий борт «Эренджи», нужно было сделать только шаг; Том Хаггин, все еще держа под мышкой Джерри, легко переступил на палубу через шестидюймовые перила из тикового дерева. На палубе толпились люди. Эта оживленная толпа заинтересовала бы всякого человека, не привыкшего к путешествиям, как заинтересовала Джерри, но для Хаггина и капитана Ван Хорна она являлась лишь банальным атрибутом⁴ повседневной жизни.

Палуба была маленькая, так как и «Эренджи» был маленьким судном. Первоначально это была барская яхта из тикового дерева, с латунными украшениями, скрепленная по углам медью и железом, с медной обшивкой военного судна и бронзовым килем. Позже ее продали на Соломоновы острова для охоты «за черной птицей», или ловли негров. На наречии закона эта ловля удостоилась названия вербовки.

«Эренджи» занимался вербовкой негров и отвозил захваченных каннибалов с отдаленных островов на новые плантации, где белые люди превращали туманные и ядовитые болота и джунгли в густые рощи стройных кокосовых пальм. Две мачты «Эренджи» из орегонского кедра были так выскоблены и напарафинены⁵, что сияли на солнце, как коричневые опалы. Под парусами «Эренджи» шел великолепно и подчас с такой скоростью, что капитан Ван Хорн, его белый помощник и команда из пятнадцати негров едва могли справиться с работой. В длину судно имело шестьдесят футов, а палубные надстройки не ослабляли поперечных бимсов его верхней палубы. Единственными отверстиями, для которых, однако, не пришлось распиливать бимсы, были: люк в главную и капитанскую каюты, люк на носу, над крохотным баком, и маленький люк на корме, ведущий в кладовую.

И на такой маленькой палубе находились, помимо команды, «обратные» негры с трех отдаленных плантаций. Под словом «обратные» подразумевалось, что их три года работы истекли, и, согласно контракту, их отвозили в родные деревни на диком острове Малаита. Из них двадцать человек – все знакомые Джерри – были из Меринджа; тридцать прибыли из Бухты Тысячи Кораблей, с островов Руссель; остальные двенадцать ехали из Пендерфрина на восточном берегу Гвадалканара. Кроме чернокожих, болтающих и чирикающих на палубе странным мальчишеским фальцетом, тут же находились и двое белых: капитан Ван Хорн и его помощник датчанин Боркман, – всего семьдесят девять человек.

– А я уж думал, что в последний момент у вас не хватит мужества, – приветствовал Хаггина капитан Ван Хорн. Глаза его радостно вспыхнули при виде Джерри.

– Похоже было на то, – ответил Том Хаггин. – Только для вас я мог это сделать. Джерри – лучший из всех щенят, не считая, конечно, Майкла. Только эти двое и остались, а пропавшие были ничуть не хуже. Кэтлин была славная собака, вылитая Бидди, если б осталась жива... Вот, берите его.

Он торопливо передал Джерри в руки Ван Хорна и, отвернувшись, зашагал по палубе.

– А если с ним приключится беда, я вам никогда не прощу, шкипер, – резко бросил он через плечо.

– Раньше им придется голову с меня снять, – усмехнулся шкипер.

– И это, паренек, может случиться, – проворчал Хаггин. – Мериндж в долгу перед Сомо; четыре головы остались здесь: трое умерли от дизентерии, а четвертого на прошлой неделе придавило дерево. К тому же он был сыном вождя.

⁴ Банальный атрибут – обычная принадлежность.

⁵ Парафин – белое вещество, вроде воска, смесь твердых и жидких углеводородов.

– Да. И «Эренджи» ответит перед Сомо еще за две головы, – кивнул Ван Хорн. – Помните, в прошлом году на юге один парень по имени Гаукинс погиб со своим вельботом в проливе Арли? – Хаггин, ходивший по палубе, вернулся. – Двое из его команды были из Сомо. Я их завербовал для плантации Уги. С вашими ребятами это выходит шесть голов. Но что за беда? В одной приморской деревне на подветренном берегу за «Эренджи» числится восемнадцать. Я их завербовал для Аоло; а так как они морское дело знают, то их и посадили на «Москита», а «Москит» погиб на пути в Санта-Крус. Они там на подветренном берегу котел приготовили... Ей-богу, парень, который сможет добыть мою голову, будет вторым Карнеги⁶! Деревня собрала сто пятьдесят свиней и несметное количество раковин для того, кто меня поймает и выдаст.

– Пока что не поймали, – фыркнул Хаггин.

– Не страшно, – беззаботно откликнулся тот.

– Вы говорите, как Арбекл, бывало, говаривал, – заявил Хаггин. – Я не раз слышал его разглагольствования. Бедный старина Арбекл!.. Самый надежный и самый осторожный парень, который когда-либо имел дело с неграми. Он никогда спать не ложился, не разбросав по полу гвоздей или смятых газет. Помню, жили мы с ним на Флориде под одной крышей; ночью большой кот погнался за тараканом и загнал его в бумагу. А Арбекл сейчас же – пиф-паф, пиф-паф, – шесть раз выстрелил из своих двух больших пистолетов. Дом продырявил, как решето. И кота убил! Он умел стрелять в темноте без прицела: собачку спускал указательным пальцем, а большой палец держал на дуле. Э, нет, приятель! На что уж был молодчина... Казалось, не родился еще негр, который ухитрился бы снять с него голову. А все-таки они его заполучили. Да, заполучили. На четырнадцать лет его хватило. А прикончил его повар. Ударил топором перед самым завтраком. Я хорошо помню наше второе путешествие в джунгли за его останками.

– Я видел его голову после того, как вы ее передали комиссару с Тулаги, – добавил Ван Хорн.

– И такое спокойное, мирное лицо у него было, и та же старая улыбка, какую я видел тысячу раз. Голова высохла над костром... А все же они его заполучили, хоть им и понадобилось для этого четырнадцать лет. Многие отправляются на Малаиту и некоторое время удерживают голову на плечах; но... повадился кувшин по воду ходить – там ему и голову сломить.

– Но козыри на руках-то у меня, – настаивал капитан. – Чуть запахнет бедой, я пойду прямо к ним и объясню, как и что. Со мной они не справятся. Думают, что я заполучил какое-нибудь чертовски сильное зелье.

Том Хаггин неожиданно протянул руку и попрощался, благоразумно стараясь не смотреть на Джерри, которого держал Ван Хорн.

– Следите за моими «обратными», – предостерег он, спускаясь в вельбот, – следите, пока не высадите на берег последнего из них. У них нет основания любить Джерри или его породу, а я не потерплю, если он погибнет от руки чернокожего. А ночью, в темноте, его могут отправить за борт, не спускайте с них глаз, пока не разделаетесь с последним.

Видя, что мистер Хаггин покидает его и отплывает в вельботе, Джерри беспокойно завертелся и тихонько заскулил. Капитан Ван Хорн теснее прижал его к себе и погладил свободной рукой.

– Не забудьте об условии! – крикнул Том Хаггин. – Что бы с вами ни случилось, Джерри должен вернуться ко мне.

– Я напишу распоряжение и спрячу его вместе с судовыми документами, – отозвался Ван Хорн.

⁶ Карнеги – один из миллиардеров.

Джерри знал много слов; знал он и свое собственное имя. В разговоре двух белых оно повторялось несколько раз, и он понял, что речь идет о чем-то туманном и ужасном, надвигающемся на него. Он еще энергичнее заерзал, и Ван Хорн опустил его на палубу. Он прыгнул к перилам с такой быстротой, какую трудно было ожидать от неуклюжего шестимесячного щенка, и попытка Ван Хорна его остановить не увенчалась бы успехом, если бы Джерри не отступил перед водой, лизавшей борт «Эренджи». Он вспомнил о табу. Его остановил образ плавучего бревна, какое было вовсе не бревном, а чем-то живым. Не рассудок заговорил в нем, а запрет, вошедший в его плоть и кровь.

Он присел на свой обрубленный хвостик, поднял к небу золотистую мордочку и в отчаянии залился протяжным щенячьим воем.

– Все в порядке, Джерри, старина! Возьми себя в руки и будь мужчиной! – успокаивал его Ван Хорн.

Но утешить Джерри было не так-то легко. Хотя Ван Хорн, несомненно, был белокожим, но это был не его бог. Его богом был мистер Хаггин, и к тому же – высшим богом. Это ощущал Джерри, даже совершенно о том не думая. Его мистер Хаггин носил штаны и ботинки. А бог, стоявший подле него на палубе, больше походил на чернокожего. Штанов он не носил и ходил босиком. Мало того: вокруг бедер у него, как и у всякого чернокожего, была обмотана яркая набедренная повязка, которая спускалась, как юбка, почти до самых его колен.

Капитан Ван Хорн был красив, хотя этого Джерри не знал. Он походил на голландца, выступившего из рамы рембрандтовского⁷ портрета, несмотря на то что родился в Нью-Йорке. И предки его родились там же еще в те времена, когда Нью-Йорк был не Нью-Йорком, а Новым Амстердамом. Костюм его завершала рембрандтовская шляпа с опущенными полями, надетая набекрень; шестипенсовая белая бумажная рубашка, прикрывавшая торс и пояс, на котором болтались кисет с табаком, нож в ножнах, лента с патронами и большой автоматический пистолет в кожаной кобуре.

Бидди, притихшая было на берегу, услышала визг Джерри и снова подняла вой. А Джерри примолк на секунду, чтобы прислушаться, и услышал, как Майкл бешено лает подле нее; и увидел Джерри, что высохшее его ухо по обыкновению упорно стоит торчком. Затем, когда капитан Ван Хорн и помощник Боркман отдали распоряжение оснастить грот-и контр-бизань⁸, Джерри излил всю свою скорбь в отчаянном вое. На берегу Боб заявил Дерби, что это – «величайшее вокальное упражнение», какое он когда-либо слышал от собаки, и будь голос чуточку ниже, Карузо⁹ нечем было бы похвалиться перед Джерри. Но Хаггин не мог вынести этого пения: едва высадившись на берег, он свистнул Бидди и быстро зашагал к фактории.

При виде удалявшейся матери Джерри еще более уподобился Карузо, чем доставил величайшее удовольствие негру из Пендефрина, стоявшему рядом с ним. Он захохотал, поддразнивая Джерри пискливым фальцетом, напоминавшим скорее птичьи звуки обитателей джунглей, чем голос человека, – человека настоящего и, следовательно, бога. Это действовало, как превосходное противоядие. Джерри был охвачен негодованием – какой-то чернокожий смеется над ним, – и через секунду его щенячьи зубы, острые, как иглы, оставили на голой икре пораженного негра длинные параллельные царапины, откуда сейчас же брызнула кровь. Чернокожий поспешно отскочил, но в Джерри была кровь Терренса Великолепного, и, подобно своему отцу, он прыгнул вперед и расцветил другую икру красноватым узором.

⁷ Рембрандт (1606–1669) – знаменитый голландский живописец.

⁸ Контр-бизань – косой парус, привязывающийся к гафелю и мачте.

⁹ Энрико Карузо – знаменитый итальянский певец.

Якорь был поднят, передние паруса поставлены. Капитан Ван Хорн, зоркие глаза которого не упустили ни одной детали инцидента, отдал распоряжение чернокожему рулевому и повернулся, чтобы похвалить Джерри.

– Валяй, Джерри! – поощрял он. – Хватай его! Тащи вниз! Кусай его! Хватай!

Чернокожий, защищаясь, лягнул Джерри, но тот прыгнул вперед, вместо того чтобы отскочить в сторону, – еще один прием, унаследованный им от Терренса, – ускользнул от голой пятки и отпечатал новую серию красных линий на черной ноге. Это было уже слишком, и негр, боясь скорее Ван Хорна, чем Джерри, повернулся и побежал на нос, ища спасения на куче ли-энфильдских ружей, сложенных на люке каюты и охранявшихся одним из матросов. Джерри бушевал вокруг люка, прыгая и крутясь вокруг, пока капитан Ван Хорн не отозвал его.

– Этот щенок – славный охотник за неграми, славный охотник! – сообщил Ван Хорн Боркману, наклонившись, чтобы погладить Джерри и выразить ему свое одобрение.

А Джерри под ласкающей рукой бога, правда, не носившего штанов, забыл на секунду постигшую его судьбу.

– Лев, а не собака, прямо эрдельской породы, – говорил Ван Хорн своему помощнику, продолжая гладить Джерри. – Посмотрите, какой он крупный. Посмотрите, какая у него кость. Вот это грудь! А какая выносливость! Из него выйдет славная собака, когда он подрастет. По лапам видно.

Джерри внезапно вспомнил о своем горе и бросился через палубу к перилам, чтобы в последний раз взглянуть на Мериндж, уменьшавшийся с каждой секундой. В эту минуту порыв юго-восточного муссона надул паруса, и «Эренджи» накренился. Джерри, тщетно цепляясь за гладкую поверхность, чтобы удержаться, скользя, покатился по палубе, наклонившейся под углом в сорок пять градусов. Он долетел до подножия бизань-мачты, а капитан Ван Хорн, зорким глазом моряка заметив у носа коралловый риф, скомандовал:

– Руль под ветер!

Боркман и чернокожий рулевой повторили его слова, и с поворотом колеса «Эренджи» быстро повернулся по ветру и выровнялся.

Джерри, все еще поглощенный Меринджем, воспользовался пришедшим в горизонтальное положение полом и, оправившись, пополз к перилам. Но ему не удалось добраться до цели: раздался треск блоков грот-шкота¹⁰ на крепком бугеле, и грот, не надуваемый ветром, бешено пронесся над головой Джерри. Он избег опасности, сделав дикий прыжок, – такой же прыжок сделал и Ван Хорн, бросившийся к нему на помощь, – и очутился как раз под грот-реей, а огромный парус высился над ним и словно готовился упасть на него и сокрушить.

Это было первое знакомство Джерри с какими бы то ни было парусами. Со зверями и птицами он не был знаком, привычек их не знал, но, когда был еще крохотным щенком, в памяти его запечатлелся яркий образ ястреба, свалившегося на него с неба. Теперь, под угрозой этого колоссального чудовища, он припал к палубе. Над ним, падая, как стрела, из синевы навис крылатый ястреб, неизмеримо больше того, с каким ему пришлось раньше встретиться. Но, припадая к земле, Джерри отнюдь не пытался спрятаться. Съежившись и собирая все силы, он готовился к прыжку, чтобы встретиться на полпути с этим грозным чудовищем.

Через секунду вторично раздался треск блоков на бугеле, и грот пролетел мимо. Джерри прыгнул, но не увидел даже тени паруса.

¹⁰ Грот-шкот – снасть для вытягивания и укрепления нижнего угла грота (прямого паруса на средней мачте). Бугель – железное кольцо на мачтах и реях.

Ван Хорн не пропустил ни одной детали этого эпизода. Раньше ему приходилось видеть, как молодые собаки буквально до безумия пугались при первой встрече с парусами, затемняющими небо и свисающими вниз. Джерри был первой собакой, бесстрашно прыгнувшей с оскаленными зубами, чтобы вступить в рукопашный бой с великим Неизвестным.

С неподдельным восхищением Ван Хорн поднял Джерри с палубы и прижал к себе.

Глава III

Джерри на время совсем позабыл о Мериндже. Он хорошо помнил, что у ястреба были острые когти и клюв. За этим грохочущим в воздухе чудовищем следовало наблюдать. И Джерри, приседая для прыжка и упорно стараясь удержаться на скользкой накренающейся палубе, не спускал глаз с грога и тихонько ворчал при каждом намеке на движение с его стороны.

«Эренджи» шел между коралловыми рифами, в узком канале, против свежего пассатного ветра. Это вызывало необходимость лавировать, и наверху грот то и дело перелетал с левого галса на правый и обратно, производя шум, напоминающий взмах крыльев; рифы его стучали, а блоки громко трещали на бутеле. Несколько раз, когда грот проносился над головой, Джерри бросался на него, готовый вцепиться; его чистые щенячьи зубы были оскалены и блестели на солнце, как драгоценные безделушки из слоновой кости.

Каждый прыжок кончался неудачей, и Джерри пришел к определенному выводу. Следует, между прочим, отметить, что этот вывод, несомненно, являлся результатом мыслительного процесса. Из наблюдений над предметом, все время ему угрожавшим, из ряда своих нападений он вывел заключение, что этот предмет ему не вредит и даже не приходит с ним в соприкосновение. На своем мыслительном процессе он не останавливался, но понял, что это не столь опасная вещь, какой она сначала ему показалась. Быть может, не мешает ее остерегаться, хотя в его классификации она уже заняла свое место в ряде предметов, которые казались страшными, но в действительности таковыми не были. Таким же путем он научился не бояться рева ветра среди пальм, когда лежал на веранде дома, и атаки волн, с шипением разбивавшихся в кипящую пену и брызги на берегу, у самых его ног.

Не раз в течение дня Джерри весело, небрежно, чуть ли не юмористически поглядывал на грот, когда тот проносился мимо. Но больше он уже не припадал к палубе и не прыгал. Это был первый урок, и он быстро его осилил.

Покончив с гротом, Джерри мысленно вернулся к Меринджу. Но никакого Меринджа не было; не было Бидди, Терренса и Майкла на берегу; не было ни мистера Хаггина, ни Дерби, ни Боба; не было ни берега, ни земли с пальмами на переднем плане и далекими горами, вечно вздымающимися к небу свои зеленые вершины. Где бы он ни стоял, положив передние лапы на шестидюймовые перила, на правом или на левом борту, на носу или на корме, – всюду он видел только океан, неровный и волнующийся. И все же этот океан под напором пассатного ветра мирно и ритмично гнал свои волны, увенчанные белыми гребнями.

Будь Джерри ярда на два выше и имей он глаза опытного моряка, он мог бы разглядеть на севере низкую полосу Флориды. Очертания ее обрисовывались все яснее по мере того, как «Эренджи», сильно накренаясь, с натянутыми шкотами, полным ходом шел на левом галсе навстречу юго-восточному пассату. А имей Джерри возможность воспользоваться морским биноклем, которым усиливал зрение капитан Ван Хорн, он увидел бы на востоке далекие вершины Малаиты, возносящиеся над поверхностью моря резко очерченные розовые клубы облаков.

Но и настоящее обладало для Джерри притягательной силой. Он рано усвоил железный закон необходимости и научился принимать то, что есть, а не гнаться за далекими вещами.

Море – было; это – реальность. Земли больше не было. «Эренджи» – тоже реальность, как и живые существа, толпившиеся на его палубе. И он стал знакомиться с тем, что было, – короче, узнавать новую обстановку и приспосабливаться к ней.

Первое его открытие оказалось восхитительным. Это была туземная собака – щенок из зарослей Изабеллы; ее вез на Малаиту один из чернокожих с плантации Мериндж. По возрасту они были одинаковы, но разной породы. Туземная собака была собакой дикой, подлой и раболепной. Уши у нее вечно были опущены, хвост болтался между ногами; она всегда опасалась нового несчастья и новой обиды; трусливая и мстительная, под угрозой удара злобно кривила зубы, обнажая щенячьи клыки; припадала к земле, когда ее били, выла от страха и боли и всегда была готова на предательский укус, если представлялся удобный случай.

Дикая собака была физически более развита, чем Джерри, сильнее и злее его; но в жилах Джерри текла голубая кровь, он был храбр и чистокровен. Дикая собака тоже появилась на свет в результате не менее сурового отбора, но здесь отбор носил иной характер. Из лесных предков, от которых она происходила, выживали самые трусливые. По своей охоте они никогда не вступали в бой с сильнейшим противником. Они никогда не нападали на открытом месте, за исключением тех случаев, когда добыча была слаба или беззащитна. Храбрость они заменили пресмыканием и ускользали, прятались от опасности. Это был слепой отбор природы. Они выжили в жестокой и подлой среде, где жизнь покупалась главным образом ценой трусливой хитрости, а иногда отчаянной защитой от нападения из-за угла.

Однако отбором предков Джерри руководили любовно. Только смелые выжили из них. Его предки были сознательно и разумно отобраны людьми, которые в далеком прошлом занялись дикой собакой и сделали ее такой, какой она представлялась им в мечтах и какой они желали ее видеть. Она никогда не должна была сражаться, как крыса, в углу, так как не должна была походить на крысу и забиваться в угол. Об отступлении нельзя было думать. Собаки, которые отступали, не нужны были людям. Не они сделались предками Джерри. Его предки, отобранные людьми, были храбрыми псами, стойкими и дерзкими, они кидались навстречу опасности, сражались и умирали, но никогда не оставляли поля битвы. А так как каждый рождает себе подобного, то Джерри был таков, каким был до него Терренс и какими сотни лет назад были праотцы Терренса.

Поэтому Джерри, случайно заметив дикую собаку, забившуюся в защищенный от ветра уголок между гротом и люком каюты, не стал размышлять о том, что противник крупнее и сильнее, чем он. Знал он только, что перед ним древний враг – дикая собака, далеко обходившая костры человека. С радостным лаем, привлечшим внимание всевидящего и все слышащего капитана Ван Хорна, Джерри бросился в атаку. Дикий щенок с невероятной быстротой обратился в бегство, но был настигнут Джерри и кубарем покатился по наклонной палубе. Катясь и ощущая острые зубы, впивающиеся в него, он то огрызался и щелкал зубами, то взвизгивал и хныкал, и в этом визге слышался ужас, боль и подлое смирение.

А Джерри был джентльменом, иными словами, благородным псом. Раз враг не сопротивлялся, гнусно визжал и беспомощно съезжился под ним, Джерри перестал нападать и выбрался из шпигата, куда они скатились. Он не размышлял о своем поступке. Он это сделал, ибо таким был создан. Он выпрямился на качающейся палубе и с удовольствием ощутил во рту восхитительный вкус собачьих волос, а в ушах его звучал одобрительный возглас капитана Ван Хорна:

– Умник, Джерри! Ты, Джерри, – молодчина! Славный пес!

Отходя от места сражения, Джерри как будто возгордился и важно перебирал лапами. Он оглянулся через плечо на пищащую собаку, словно говоря: «Ну, думаю, на этот раз тебе хватит. Теперь не попадайся мне на пути!»

Джерри продолжал обследовать свой новый крохотный мирок, который никогда не пребывал в покое, вечно вздымаясь и опускаясь на волнуемой поверхности моря. Тут находились рабочие, возвращавшиеся с Меринджа. Он решил осмотреть каждого из них: его встречали воркотней и бранью, а он отвечал грозным рычанием. Он был выдрессирован так, что хоть и разгуливал на четырех ногах, но считал себя выше этих двуногих, ибо всегда жил под эгидой¹¹ великого двуногого бога, носившего штаны, – мистера Хаггина.

Затем тут были чужие рабочие из Пендефрина и из Бухты Тысячи Кораблей. Джерри хотел узнать их всех. В будущем это знание могло ему понадобиться. Об этом он не думал. Он просто знакомился с окружающей средой, не заботясь о будущем и не сознавая, что принимает меры предосторожности.

Обогащаясь опытом, Джерри быстро обнаружил, что на «Эренджи», так же как и на плантации, где домашние слуги отличались от работавших в поле, существует класс людей, отличный от возвращавшихся рабочих. Это была судовая команда. Пятнадцать чернокожих, составлявших ее, были ближе к капитану Ван Хорну, чем все остальные. Они, казалось, более непосредственно принадлежали «Эренджи» и Ван Хорну. Они исполняли его приказания, правили рулем, натягивали веревки, втаскивали из-за борта ведра с водой и скребли палубу щетками.

От мистера Хаггина Джерри узнал, что должен снисходительно относиться к домашней прислуге; теперь капитан Ван Хорн научил его быть более снисходительным к судовой команде, чем к возвращавшимся рабочим. С командой он мог позволять себе меньше вольностей, чем с остальными. Пока капитан Ван Хорн не хотел, чтобы он охотился за его командой, Джерри считал своим долгом не охотиться. С другой стороны, он всегда помнил, что он собака белого бога. Хотя этих негров он и не преследовал, но от фамильярности с ними воздерживался. Он наблюдал за ними. Ему приходилось видеть, как мистер Хаггин стегал хлыстом своих чернокожих слуг. Они являлись промежуточным звеном в мировой схеме, и за ними требовалось следить, чтобы они не забыли своего места. Джерри им предоставлял место, но равенства не допускал. В лучшем случае он мог свысока удостаивать их своим вниманием.

Джерри основательно обследовал кухню. Это было неуклюжее помещение на палубе, открытое ветрам, дождю и буре, где два чернокожих в облаках дыма ухитрялись готовить на маленькой печке еду для восьмидесяти человек, находившихся на борту.

Затем Джерри заинтересовался странным поведением судовой команды. Чернокожие ввинтили в поручни «Эренджи» прямые трубы, служившие подпорками для рядов колючей проволоки, которая обегала все судно. Единственный узкий прорыв в пятнадцать дюймов был сделан у шкафута. Что это была мера предосторожности против опасности, Джерри почувствовал, совершенно о том не думая. Всю свою жизнь, с самого первого дня, он провел, окруженный опасностью, вечно грозившей со стороны чернокожих. В доме на плантации Мериндж белые всегда косо поглядывали на многочисленных негров, работавших на них и им принадлежавших. В жилой комнате, где был обеденный стол, бильярд и фонограф, стояли козлы для ружей, а в каждой спальне, у каждой кровати лежали под рукой револьверы и винтовки. Мистер Хаггин, Дерби и Боб, уходя из дому к своим чернокожим, всегда носили у пояса револьверы.

Джерри знал, для какой цели служат эти производящие шум предметы, – то были орудия разрушения и смерти. Ему приходилось видеть, как они уничтожали живые существа – свиней, птиц и крокодилов. С помощью этих предметов белые боги по воле своей преодолели

¹¹ Под эгидой – под покровительством. Эгидой в греческой мифологии назывался щит греческой богини Афины-Паллады с изображением Медузы на нем, приводивший в состояние окаменелости все, против чего он поднимался.

вали пространство, не трогаясь с места, и убивали живые вещи. А он, Джерри, чтобы причинить кому-нибудь вред, должен был перейти пространство и приблизиться к своему противнику. Он был иначе устроен. Он был ограничен. Все невозможное становилось возможным для совершенных двуногих белых богов. Отчасти их способность уничтожать вещи, отделенные расстоянием, являлась как бы дальнейшим развитием когтей и клыков. Не задумываясь и не сознавая, он принимал это так же, как принимал весь окружающий его таинственный мир.

Однажды, в прошлом, Джерри пришлось даже увидеть, как мистер Хаггин посеял смерть на расстоянии, но на другой манер. С веранды он видел, как тот бросил палочки взрывчатого динамита в галдевшую толпу чернокожих, которые вторгались из внешнего мира. Свои длинные черные военные лодки, остроносые, резные и инкрустированные перламутром, они втащили на берег у плантации Мериндж.

Джерри видел немало мер предосторожности, принимаемых белыми богами, и теперь бессознательно увидел в этой ограде из колючей проволоки на плавучем мирке знак неотступной опасности. Гибель и смерть бродили вокруг, поджидая удобного случая напасть на жизнь и задушить ее. Чтобы жить, следовало быть начеку, – этот закон Джерри вывел из того немногого, что знал о жизни.

Пока натягивали колючую проволоку, у Джерри произошло еще одно приключение с Леруми, рабочим из Меринджа, которого в то утро Бидди столкнула в воду со всеми его пожитками. Они встретились на штир-борте у люка; Леруми разглядывал себя в дешевенькое зеркальце и расчесывал жесткие волосы деревянным гребнем ручной работы.

Джерри, не обращая внимания на присутствие Леруми, рысью бежал на корму, где помощник Боркман следил, как команда натягивает на подпорки колючую проволоку. А Леруми огляделся по сторонам, убедился, что его ноги скрыты от наблюдателя, прицелился и лягнул Терренса-сына – своего четвероногого врага. Голая нога больно ударила Джерри по копчику недавно обрубленного хвоста, и Джерри, оскорбленный таким святотатством, немедленно пришел в бешенство.

Капитан Ван Хорн стоял на корме на левом борту, определяя по парусам направление ветра и следя за чернокожим рулевым, и не видел Джерри, заслоненного люком. Но он заметил, как Леруми дернул плечом, пока, балансируя на одной ноге, другой наносил удар. И следующие события помогли ему догадаться о том, что произошло.

Вой Джерри, когда он упал, перевернулся, прыгнул и укусил, был поистине щенячьим воплем негодования. Он вцепился в лодыжку и, получив второй удар, скатился по палубе в водосточный желоб, но на черной коже остались красные следы его острых, как игла, зубов. Все еще визжа от негодования, он пополз, цепляясь когтями, по крутому деревянному холму.

Леруми, снова бросив взгляд по сторонам, убедился, что за ним следят и через край хватать нельзя. Он бросился бегом вдоль люка, пытаясь ускользнуть вниз, но острые зубы Джерри впились в его икру. Джерри, слепо кинувшись в атаку, попал чернокожему под ноги. Как раз в эту минуту внезапный порыв ветра надул паруса, и Леруми растянулся во всю длину. Тщетно стараясь подняться на ноги, он налетел на колючую проволоку с подветренной стороны.

Чернокожие, толпившиеся на палубе, завизжали от удовольствия, а Джерри, видя своего противника выбитым из строя и ошибочно считая себя объектом насмешек, с не меньшим бешенством накинулся на негров, хватая и кусая пролетающие мимо него ноги. Они попрыгали вниз в каюту и коридор на баке, обежали бушприт, влезли на снасти и повисли в воздухе, как чудовищные птицы. В конце концов палуба осталась за Джерри, если не считать судовой команды; но Джерри уже научился делать различие. Капитан Ван Хорн подозвал Джерри, приласкал его и со смехом осыпал похвалами; затем повернулся к своим многочисленным пассажирам и произнес речь на невероятном морском жаргоне англичан.

– Эй вы, ребята! Я вам говорю. Этот пес принадлежит мне. Если кто из вас, парней, этого пса тронет, тому придется плохо. Ей-богу, я из него семь склянок выбью! Вы своим ногам воли не давайте. А я придержу свою собаку. Поняли?

И пассажиры, все еще висевшие в воздухе, поблескивая черными глазами и жалобно чирикая между собой, приняли закон белого. Даже Леруми, порядком поцарапанный колючей проволокой, не ругался и не грозил. Потирая пальцами свои царапины, он прошептал: «Ей-богу здоровый парень этот пес! Здоровый парень!», чем вызвал усмешку шкипера и оглушительный хохот товарищей.

Но Джерри нельзя было назвать злым. Как Бидди и Терренс, он был буйным и бесстрашным; эти качества он получил по наследству. И, как Бидди и Терренс, он наслаждался охотой на негров. Это был результат дрессировки; так дрессировали его, когда он был еще крохотным щенком. Негры были неграми, а белые люди были богами, и белые боги научили его преследовать негров и следить, чтобы они занимали подобающее им ничтожное место в мире. Весь мир держали белые в своих руках. Негры... разве не знал он, что они всегда вынуждены оставаться в своем жалком положении? Разве не видел он, как на плантации Мериндж их привязывали иногда к пальмам и хлестали по спине, вырывая клочья мяса? Не удивительно, что породистый ирландский терьер, окруженный любовью белого бога, стал смотреть на негров глазами белого бога и вести себя с ними так, чтобы заслужить его похвалу.

Для Джерри выдался хлопотливый денек. На «Эренджи» все было ново и странно, и здесь то и дело случались любопытные вещи. У Джерри произошла еще одна встреча с дикой собакой, которая предательски напала на него с фланга из засады. Сундуки с имуществом чернокожих были сложены в беспорядке, и между двумя ящиками в нижнем ряду осталось небольшое пространство. Из этой дыры дикая собака прыгнула на Джерри, пробежавшего мимо на зов шкипера, вонзила острые зубы в желтую бархатную шкуру Джерри и поспешно отступила назад, в свою нору.

Снова чувства Джерри были оскорблены. Атаку с фланга он понимал. Часто он играл так с Майклом, хотя у них это была только игра. Но отступить, не сражаясь, когда бой уже начался, было чуждо привычкам и характеру Джерри. Со справедливым негодованием он бросился в дыру за своим врагом. Но здесь все преимущества были на стороне дикой собаки – она лучше всего сражалась в углу. Когда Джерри прыгнул в узкое пространство, он ударился головой о верхний ящик и через секунду почувствовал у самой своей морды оскаленную пасть врага.

Не было никакой возможности добраться до дикой собаки, налететь на нее всей тяжестью, как это делается в открытой атаке. Джерри оставалось только ползти, вертеться и рваться вперед, и всякий раз его встречали оскаленные зубы. И все же в конце концов он одолел бы его, если бы проходивший мимо Боркман не наклонился и не вытянул Джерри за заднюю лапу. Снова раздался зов капитана Ван Хорна, и Джерри послушно пустился рысцой на корму.

Обедали на палубе в тени контр-бизани, и Джерри, сидевший между двумя мужчинами, получил свою порцию. Он уже успел вывести заключение, что из двух белых капитан был высшим богом, отдававшим приказания, которым повиновался помощник. Помощник же, в свою очередь, командовал чернокожими, но никогда не отдавал приказаний капитану. Затем Джерри почувствовал влечение к капитану и ближе к нему придвинулся. Когда он сунул нос в тарелку капитана, ему ласково сделали выговор. Но когда он только понюхал дымящуюся чашку чая помощника, тот щелкнул его по носу грязным пальцем. И помощник ни разу не дал ему есть.

Капитан Ван Хорн дал ему прежде всего миску овсяной каши, щедро полив ее сгущенными сливками и подсластив сахаром; сахару он высыпал ложку с верхом. Затем он то и

дело давал ему ломтики хлеба с маслом и кусочки жареной рыбы, откуда раньше заботливо вытащил мелкие кости.

Его любимый мистер Хаггин никогда не кормил его во время обеда, и теперь Джерри был вне себя от радости. Он был еще молоденьким щенком и до того увлекся, что вскоре стал настойчиво приставать к капитану, требуя еще рыбы и хлеба с маслом. Один раз он даже пролаял свою просьбу. Это навело капитана на мысль научить его «говорить», и он сейчас же принялся за дело.

Через пять минут Джерри научился говорить, тихо и только один раз – мягким, ласкающим, односложным лаем. И тут же он усвоил слово «сядь», отличающееся от «ляг», и узнал, что должен садиться всякий раз, когда говорят, а затем ждать пока не дадут куска.

Далее его словарь обогатился тремя словами. Отныне «говори» – стало означать для него «говори», а «сядь» – означать «сядь» и отнюдь не «ляг». Третье слово было «шкипер». Он слышал, как помощник несколько раз называл этим именем капитана Ван Хорна. Если человеческое существо кричало «Майкл», зов относился к Майклу, а не к Бидди, или Терренсу, или к нему самому; Джерри это было известно, а теперь он узнал, что «шкипер» было имя двуногого белого господина этого нового плавучего мира.

– Право же, это не простая собака, – объявил Ван Хорн своему помощнику. – За этими карими глазами видишь настоящий человеческий мозг. Ему шесть месяцев. Всякий шестилетний мальчишка считался бы феноменом, если бы выучил в пять минут все, что выучил он. Да, черт меня побери! Собачий мозг, должно быть, похож на человеческий. Если пес действует, как человек, ему и думать приходится по-человечьи.

Глава IV

В главную каюту вела крутая лестница, и по ней капитан после обеда снес Джерри на руках. Это была большая комната во всю ширину «Эренджи»; на корме был лазарет, а на носу – крохотная каютка. Дальше, за толстой переборкой, находился бак, где жила судовая команда. В крохотной каютке помещались Ван Хорн и Боркман, а главную каюту занимали шестьдесят рабочих. Они сидели на корточках, валялись на полу и на длинных скамьях, тянувшихся по обеим сторонам каюты.

Войдя в маленькую каюту, капитан бросил в угол одеяло и дал понять Джерри, что это его постель. Джерри, плотно пообедавший и утомленный после такого суетливого дня, немедленно заснул.

Час спустя его разбудил вошедший Боркман. Джерри приветливо завилял обрубок хвоста и улыбнулся, но помощник нахмурился и сердито проворчал что-то сквозь зубы. Тогда Джерри перестал улыбаться и только спокойно за ним следил. Помощник пришел глотнуть спиртного. Он таскал спирт из запасов Ван Хорна. Джерри этого не знал. На плантации ему часто приходилось видеть, как выпивают белые. Но в манерах Боркмана было что-то необычное. Он пил как будто исподтишка, украдкой, и Джерри смутно это сознавал. В чем тут было дело, он не знал, но, почуяв что-то неладное, подозрительно к нему присматривался.

После ухода помощника Джерри мог бы еще поспать, но неплотно прикрытая дверь с шумом распахнулась. Открыв глаза, он приготовился встретить неведомого врага, но никого не было, и он стал следить за тараканом, ползущим по стене. Когда Джерри встал и осторожно направился к нему, таракан удрал и, шелестя, скрылся в щели. С тараканами Джерри был знаком всю свою жизнь, но на «Эренджи» обитала особая порода, и, столкнувшись с ней, ему еще суждено было узнать много нового.

Наскоро обследовав комнату, он вышел в большую каюту. Здесь повсюду валялись черные кожные. Джерри решил каждого освидетельствовать, видя в этом свой долг перед шкипе-

ром. Они хмурились и потихоньку ругались, когда он к ним принимался. Один осмелился пригрозить ему кулаком, но Джерри, вместо того чтобы увернуться в сторону, оскалил зубы и приготовился к прыжку. Чернокожий поспешно опустил руку и стал тихо и ласково бормотать, что, конечно, говорило о раскаянии; товарищи его захихикали, а Джерри прошел мимо. В этом не было ничего нового. От чернокожих всегда следовало ждать удара, если поблизости не было белых. Помощник и капитан находились на палубе, и Джерри, хотя и не трусил, но продолжал свои исследования осторожно.

Однако у входа в лазарет, на корме, он позабыл обо всякой осторожности и ринулся навстречу новому запаху, донесшемуся до его ноздрей. В низкой темной комнате находилось какое-то странное существо; его он еще ни разу не обнюхивал. На грубой циновке, разостланной на ящиках с табаком и пятидесятифунтовых жестянках с мукой, лежала в одной сорочке молоденькая чернокожая девушка.

Казалось, она притаилась или пряталась, и Джерри это почувствовал, а ему с давних пор было известно, что дело неладно, если какой-нибудь чернокожий пытается спрятаться или улизнуть. Она с ужасом вскрикнула, когда он тревожно залаял и устремился к ней. Но она не ударила, хотя его зубы оцарапали ее голую руку. И больше она не кричала. Она съжилась на своей циновке, дрожала и не защищалась. Вцепившись зубами в ее реденькую сорочку, он тряс ее и тянул, сердито рыча и время от времени лая, чтобы призвать шкипера или помощника.

В процессе борьбы равновесие ящиков и жестянок нарушилось, и вся груда рухнула на пол. Тут Джерри залаял еще неистовее, а чернокожие, выглядывая из каюты, безжалостно хохотали. Когда явился шкипер, Джерри завилял своим обрубленным хвостом и, прижав уши, еще сильнее задергал тонкую бумажную ткань сорочки. Он ждал похвалы за свое поведение, но когда шкипер велел ему отпустить девушку, он повиновался и понял, что это притаившееся, пораженное ужасом существо чем-то отличается от других таких же существ и обращаться с ним нужно иначе.

А страх девушка перенесла такой, какой мало кто может вынести. Ван Хорн называл ее своей докучной кладью и рад был бы от этой клади отделаться, однако не уничтожая ее. От этого-то уничтожения он и спас ее, когда купил, дав в обмен жирную свинью.

Она была глупым, бездушным, больным созданием; молодые люди из ее деревни не обращали на нее никакого внимания, и, когда ей исполнилось двенадцать лет, разочарованные родители предназначили ее для кухонного котла. Когда капитан Ван Хорн впервые ее встретил, она была центральной фигурой в траурной процессии на берегах реки Балебули.

Отнюдь не красавица, – таков был его приговор, когда он задержал процессию. Тошная, с шелудивой кожей, покрытой засохшими струпами, – следы болезни, называемой «букуа», – она была связана по рукам и по ногам и, как свинья, свешивалась с толстого шеста, который покоился на плечах носильщиков, намеревавшихся ею пообедать. Все еще надеясь получить пощаду, она не молила о помощи, но в ее вытаращенных глазах застыл безграничный ужас.

Разговорившись на универсальном английском морском жаргоне, капитан Вал Хорн узнал, что любовью своих спутников она не пользовалась, и сейчас они несли ее к реке Балебули, чтобы вбить там кол и погрузить по самую шею в текучую воду. Но прежде чем вбить кол, они думали вывихнуть ей суставы и перерубить кости рук и ног. Это не было ни религиозным обрядом, ни умиловляющей жертвой зверским богам джунглей. Вопрос был чисто гастрономического свойства. Живое мясо, приготовленное таким образом, делалось мягким и вкусным. А девушка, как указали ее спутники, несомненно, нуждалась в такой манипуляции. Два дня пребывания в воде, сказали они капитану, сделают свое дело. Затем они убьют ее, разложат костер и созовут друзей.

Капитан Ван Хорн торговался около получаса, доказывая, что девушка никакой цены не имеет, затем купил свинью стоимостью в пять долларов и отдал в обмен на нее. Поскольку

он расплатился за свинью товаром, а товары были расценены на сто процентов выше себестоимости, то в действительности девушка обошлась ему в два доллара пятьдесят центов.

И тут-то начались затруднения капитана Ван Хорна. Он не мог отделаться от девушки. Слишком хорошо знал он туземцев Малаиты, чтобы вручить ее кому-нибудь из обитателей этого острова. Вождь племени Суу – Ишикола – предложил за нее сотню кокосовых орехов, а на берегу Малу вождь Бау давал двух цыплят. Но это последнее предложение сопровождалось усмешкой и свидетельствовало о презрении старого негодяя к худобе девушки. Капитану Ван Хорну не удалось связаться с миссионерским бригадом «Западный Крест» – на нем она была бы в безопасности, – и он вынужден был держать ее в тесном помещении на «Эренджи» до того проблематического момента, когда удалось бы препроводить ее к миссионерам.

Но девушка к нему никакой благодарности не чувствовала, ибо была слишком глупа. Она, которую продали за жирную свинью, считала, что ее плачевная роль в этом мире не изменилась. Ее обрекали на съедение, и обреченной на съедение она осталась. Изменилось только ее назначение, и теперь ее несомненно съест большой белый господин «Эренджи», когда она в достаточной мере потолстеет. Его виды на нее обнаружились с самого начала, когда он пробовал ее откормить. А она его перехитрила и упорно ела столько, сколько нужно, чтобы остаться в живых.

В результате девушка, проведя всю жизнь в лесах и ни разу не опустив ноги в лодку, теперь бесконечно носилась по поверхности океана, в тумане кошмарного ужаса. На морском жаргоне, распространенном среди чернокожих тысячи островов, пассажиры «Эренджи» подтвердили ее страх. «Я тебе говорю, парень Мэри, – заявлял один, – скоро этот большой парень, белый господин, тебя кай-кай». А другой подхватывал: «Большой парень, белый господин, тебя кай-кай, я тебе говорю – у него живот разгулялся».

«Кай-кай» на морском жаргоне значило «есть». Даже Джерри это знал. Слова «есть» не было в его словаре, а «кай-кай» было, и означало оно больше, чем «есть», так как служило и существительным и глаголом.

Но девушка никогда не отвечала на поддразнивание чернокожих. Она вообще все время молчала, не говорила даже с капитаном Ван Хорном, который и имени ее не знал.

К концу дня, после приключения с девушкой в лазарете, Джерри снова вышел на палубу. Шкипер, держа его на руках, поднялся по трапу и едва опустил на палубу, как Джерри сделал новое открытие: земля! Он не видел ее, но обонял, высоко задрав нос. Джерри расположился с наветренной стороны и стал внюхиваться в воздух, который принес весть о земле; и носом он словно читал в воздухе, как человек читает газету. Он почуял соленые запахи морского берега и влажной грязи мангиферовых болот, благовонный аромат тропической растительности и очень слабый, едкий запах дыма тлеющих костров.

Пассатный ветер, который пригнал «Эренджи» в воды, защищенные выступающим мысом Малаиты, теперь спадал, и судно стало покачиваться на невысоких волнах; слышался треск шкотов и блоков и грохот спускаемых парусов. Джерри с насмешливым презрением поглядывал на грот, прыгающий над его головой. Он понял уже пустую ветреность его угроз, но блоков грот-шкота остерегался и обходил бугель.

Капитан Ван Хорн, пользуясь затишьем, вздумал обучать команду ружейной стрельбе и приказал достать с люка ли-энфильдские ружья. Вдруг Джерри припал к палубе и неслышно пополз вперед. Но дикая собака, удалившаяся на три фута от своей норы под сундуками, не зевала. Она заметила Джерри и грозно зарычала. Рычание было злобным, как и вся ее жизнь. Мелкие животные боялись этого рычания, но оно не испугало Джерри, который настойчиво крался вперед. Когда дикая собака прыгнула в нору под ящиками, Джерри бросился за ней, но враг ускользнул. Бросив за борт куски дерева, бутылки и пустые жестянки, капитан Ван Хорн приказал восьми матросам из своей команды стрелять. Джерри пришел в восторг

от ружейной стрельбы, и к грохоту присоединился его возбужденный лай. Пустые медные гильзы выбрасывались, а чернокожие пассажиры ползали по палубе и подбирали; для них это были ценные предметы, и они немедленно совали их еще горячими в свои продырявленные уши. В их ушах было просверлено множество отверстий; самое маленькое могло вместить гильзу, в других торчали глиняные трубки, палочки табаку и даже коробки спичек. А были и такие отверстия, что в них держались деревянные цилиндры в три дюйма толщиной.

Помощник и капитан носили у пояса автоматические пистолеты. Они стали расстреливать обойму за обоймой, к большому удивлению чернокожих, которые, затаив дыхание, следили за стрельбой. Судовая команда стреляла неважно, но капитан Ван Хорн, как и каждый капитан Соломоновых островов, знал, что туземцы – жители лесов и приморских берегов – стреляли еще хуже, и на стрельбу судовой команды можно было положиться, если ей не вздумается в минуту опасности перейти на сторону врага.

Сначала автоматический пистолет Боркмана дал осечку, и капитан Ван Хорн сделал замечание своему помощнику за то, что тот не чистит и не смазывает своего оружия. Затем Ван Хорн с упреком спросил Боркмана, сколько стаканчиков тот сегодня пропустил и не этим ли объясняется его неудачная стрельба. Боркман объяснил, что у него был приступ лихорадки, а Ван Хорн удержал сомнения при себе, но несколько минут спустя, усевшись в тени контр-бизани и взяв на руки Джерри, поделился с ним своими соображениями.

– Прямо беда с ним, Джерри... И все из-за шнапса¹², – объяснял капитан Ван Хорн. – Черт побери, я из-за этого должен нести свои вахты и добрую половину его. А он говорит – лихорадка. Поверь, Джерри! Все это шнапс – самый обыкновенный ш-на-пс! А он хороший моряк, Джерри, когда трезв. Но когда напьется, становится полоумным. Голова у него идет кругом, человек ходит дурак дураком; в бурю храпит, в мертвый штиль страдает от бессонницы. Джерри, ты еще только вступаешь в мир на своих четырех бархатных лапках; так послушайся совета опытного моряка и не прикасайся к шнапсу. Верь мне, Джерри, мой мальчик, послушайся своего отца – от водки добра не увидишь.

Затем капитан Ван Хорн оставил Джерри на палубе выслеживать дикую собаку, а сам спустился в крохотную каюту и глотнул из бутылки, к которой прикладывался Боркман.

Выслеживание дикой собаки превратилось в забаву, во всяком случае, для Джерри; он никогда не злобствовал и сейчас наслаждался от души. Кроме того, эта игра преисполнила его восхитительным сознанием собственной силы, так как дикая собака все время от него удидала. Поскольку дело касалось собак, Джерри был героем на палубе «Эренджи». Ему не пришло в голову осведомиться, приятно ли его поведение дикой собаке, а, по правде сказать, эта особа, по его вине, влачила жалкое существование. Когда Джерри находился на палубе, дикарка не смела отойти дальше чем на несколько футов от своего логовища и пребывала в страхе и трепете перед толстым щенком, который не боялся ее рычания. Под вечер Джерри, еще разок проучив дикую собаку, рысцой пробежал на корму и нашел там шкипера. Тот сидел, поджав ноги, на палубе, прислонившись спиной к низким перилам, и рассеянно глядел на море. Джерри понюхал его голую икру – не то чтобы он хотел проверить, его ли это нога, а просто ему нравился запах, и, кроме того, он видел в этом своего рода дружеское приветствие. Но Ван Хорн не обратил на него внимания и по-прежнему глядел вдаль. Он даже не заметил щенка.

Джерри опустил морду на колени шкипера и долго пристально смотрел ему в лицо. Тут уже шкипер его заметил и был приятно растроган, но не подал вида и продолжал сидеть неподвижно, Джерри решил попробовать новый способ. Шкипер опирался локтем о другое колено, а рука его лениво свешивалась вниз; в полураскрытую руку Джерри по самые глаза засунул свою мягкую золотистую мордочку и застыл в такой позе. Ему не видно было, как

¹² Шнапс – водка.

вспыхнули у шкипера глаза; взгляд его оторвался от моря и обратился на щенка. Джерри еще минутку стоял, не шевелясь, а затем громко засопел.

Шкипер не выдержал и от души расхохотался, а Джерри в приливе любви прижал свои шелковистые уши, греясь в лучах улыбки бога. И смех шкипера заставил Джерри бешено завильать хвостом. Полуоткрытая рука сомкнулась в твердом пожатии. Затем рука стала его качать из стороны в сторону с такой силой, что Джерри едва устоял на ногах.

Джерри блаженствовал. Нет, мало того, — он был в экстазе. Он знал, что в грубом пожатии не было гнева и оно не грозило опасностью; это была та же игра, какою он, бывало, забавлялся с Майклом. Иногда он играл так и с Бидди и любовно возился с ней. А в исключительных случаях сам мистер Хаггин ласково его тормозил. Для Джерри эта игра была полна глубокого смысла.

Когда Ван Хорн стал сильнее его раскачивать, Джерри сердито зарычал и рычал все громче и громче по мере того, как усиливалась встряска. Но это была игра, он только притворялся, будто хочет укусить того, кого любил слишком горячо. Он дергался, стараясь вытащить голову и ухватить складку кожи, льющуюся к его щеке.

Когда шкипер, сильно тряхнув его, освободил и отпихнул в сторону, Джерри подбежал к плечу, ворча и скаля зубы, и снова рука сомкнулась вокруг его морды и стала ее раскачивать. Игра продолжалась, а возбуждение Джерри росло. Один раз шкипер замешкался, и Джерри поймал его руку, но зубов не стиснул. Зубы оставили на коже отпечаток, но это был не укус.

Игра становилась все грубее, и Джерри забылся. По-прежнему играя, он до того увлекся, что принял игру за подлинное событие. Это было сражение, борьба с рукой, которая его хватала, трясла и отпихивала. Он больше уже не притворялся и рычал по-настоящему. А когда его отшвыривали назад и он снова бросался в атаку, из груди его вырывался истерически звонкий щенячий лай. И капитан Ван Хорн, внезапно поняв, протянул раскрытую руку, как символ мира — символ столь же древний, как человеческая рука. И в то же время он произнес только одно слово: «Джерри!» В этом слове было все — и властный упрек, и приказание, и вся настойчивость любви.

Джерри понял и сразу пришел в себя. Он сейчас же раскаялся, смирился, уши откинул назад, моля о прощении, а сердце его затрепетало в приливе любви. Нападающий пес с оскаленными клыками превратился в мягкий, шелковистый комочек; он рысцой подбежал к протянутой руке и лизнул ее; розово-красный язык блеснул, как драгоценный камень между двумя рядами ослепительно-белых зубов. А через секунду Джерри блаженствовал в объятиях шкипера и прижимался мордой к его щеке и лизал его, словно хотел поцелуями замечать членораздельную речь. Это был подлинный праздник, и оба от души им наслаждались.

— Черт бы меня побрал! — забормотал капитан Ван Хорн. — Ты весь клубочек натянутых нервов с золотым сердцем, и все это обернуто снаружи в золотую шкурку. Джерри, ты золото, чистое золото, и во всем мире нет второй такой собаки. Сердце у тебя золотое, золотой мой пес. Люби меня, и я буду добр к тебе и буду тебя любить, всегда, вовеки веков.

И капитан Ван Хорн вдруг заморгал, глаза его затуманились, и секунду он не видел щенка, который в приливе любви весь затрепетал в его объятиях и слизнул соленую влагу с его глаз. А ведь Ван Хорн, шкипер «Эренджи», босой, в шестипенсовой рубаше и набедренной повязке, торговал «черной птицей», развозя чернокожих канныбалов, никогда не расставался со своим автоматическим револьвером, и голова его была оценена в десятках приморских деревень и лесных крепостей. Он считался самым крутым шкипером Соломоновых островов, где выживает только тот, кто жесток.

Глава V

Стремительная тропическая ночь поглотила «Эренджи». Судно то затихало в штиле, то накренилось и ныряло под ударами ветра и дождя со стороны Малаиты, острова каннибалов. Здесь прекратился юго-восточный пассатный ветер, и погода переменилась. Стряпать в камбузе на открытой палубе стало сущим наказанием, а чернокожие рабочие, ходившие нагишом, должны были уйти вниз.

Первую вахту, с восьми до двенадцати, нес помощник; а капитан Ван Хорн, не желая мокнуть под ливнем, спустился в крохотную каюту, прихватив с собой Джерри. Джерри устал от бесконечных приключений этого дня – самого беспокойного во всей его жизни; он заснул, а во сне рычал и перебирал лапами; шкипер последний раз взглянул на него, убавил свет лампы и, усмехнувшись, пробормотал:

– Это дикая собака, Джерри. Хватай ее! Кусай! Задай ей трепку!

Джерри спал так крепко, что ничего не слышал. Дождь прекратился, унеся с собой последнее дыхание ветра и превратив каюту в удушливую паровую баню, а задышающийся шкипер, в мокрой от пота рубашке и набедренной повязке, поднялся, сунул под мышку подушку и одеяло и вышел на палубу.

Джерри разбудил огромный трехдюймовый таракан, укусивший его за чувствительное местечко между пальцами, где кожа не покрыта волосами. Джерри проснулся, тряхнул пострадавшей лапой и поглядел на таракана, который удирать не стал, а с достоинством отполз в сторону. Джерри следил, как тот присоединился к другим тараканам, маршировавшим по полу. Он никогда не видел их в таком количестве. Все они были огромные и ползали повсюду. Длинные вереницы ползли из щелей и спускались по стене, чтобы присоединиться к своим товарищам, разгуливавшим по полу.

По мнению Джерри, это было совершенно недопустимо. Мистер Хаггин, Дерби и Боб не переносили тараканов, а их мнение было и его мнением. Таракан был вечным врагом тропиков. Джерри прыгнул на ближайшего, намереваясь раздавить его лапой. Но насекомое сделало то, чего он никак не ожидал от таракана. Оно поднялось в воздух и полетело, как птица. И, словно по сигналу, вся масса тараканов поднялась в воздух и заполнила комнату, кружась и взмахивая крыльями.

Джерри атаковал крылатое войско; он прыгал, щелкая зубами и стараясь лапой сбросить летающую гадину. Иногда это ему удавалось, и таким путем он нескольких уничтожил. Сражение не прекращалось до тех пор, пока все тараканы, словно опять по сигналу, не исчезли в многочисленных щелях, и поле битвы осталось за ним.

И сейчас же у Джерри мелькнула мысль: где шкипер? Он знал, что в каюте его не было, но все же встал на задние лапы и исследовал низкую койку. Чуткие ноздри его затрепетали, и он засопел от удовольствия, почуяв запах недавно лежавшего здесь шкипера. А обрубок хвоста замотался направо и налево.

Но где же был шкипер? Эта мысль сверлила его мозг так же, как если бы это был мозг человеческий. И подобным же образом мысль предшествовала у него действию. Дверь была открыта настежь и укреплена крюком, и Джерри выбежал в большую каюту, где с полсотни чернокожих стонали, вздыхали и храпели во сне. Они лежали тесно друг подле друга на полу и на длинных скамьях, и Джерри вынужден был перелезть через их голые ноги. А поблизости не было белого бога, чтобы защитить его. Он это знал, но не боялся.

Убедившись, что шкипера в каюте не было, Джерри приготовился было к опасному подъему по крутым ступенькам, напоминавшим приставленную лестницу, но тут вспомнил о лазарете. Он вбежал туда и понюхал спящую девушку в бумажной сорочке, думавшую, что Ван Хорн ее съест, если ему удастся ее как следует откормить.

Вернувшись к трапу, Джерри посмотрел наверх и стал ждать в надежде, что появится шкипер и отнесет его на палубу. Шкипер здесь проходил; Джерри это знал по двум причинам. Только этим путем он и мог пройти, а обоняние подсказало Джерри, что он действительно здесь прошел. Его первая попытка подняться по трапу началась хорошо. Он миновал треть ступеней, но тут «Эренджи» нырнул и резко выпрямился, а Джерри поскользнулся и упал. Два-три чернокожих проснулись и следили за ним, приготовляя себе жвачку из бетеля и зеленых листьев.

Два раза Джерри соскальзывал с первых же ступенек, а чернокожие, разбуженные своими товарищами, сидели и потешались над ним. Четвертый раз Джерри ухитрился добраться до половины трапа, а оттуда тяжело грохнулся на бок. Его падение было встречено тихим смехом и ругательствами, напоминавшими чириканье огромных птиц. Джерри поднялся на ноги, нелепо ошетинился и презрительно зарычал на эти низшие двуногие существа, которые приходили и уходили и подчинялись воле таких великих белокожих двуногих богов, как шкипер и мистер Хаггин.

Джерри не был обескуражен своим падением и снова полез по трапу. Временное затишье помогло ему добраться до верхних ступеней, а когда подошла большая волна, он удержался, цепляясь передними лапами, и вылез на палубу. На средней части палубы, около люка, сидело несколько человек судовой команды и Леруми. Джерри осторожно их всех обнюхал и ошетинился, когда Леруми тихо, угрожающе зашипел. На корме, у штурвала, он нашел чернокожего рулевого, а рядом с ним стоял на вахте помощник. Помощник заговорил с Джерри и наклонился, чтобы погладить его, но тот потянул носом и почуял близость шкипера. Он словно попросил извинения, завиляв хвостом; рысцей пустился на наветренную сторону и наткнулся на шкипера. Шкипер крепко спал, лежа на спине, и только голова его торчала из-под одеяла.

Джерри прежде всего радостно его обнюхал и завилял хвостом. Но шкипер не проснулся. Моросил мелкий дождь, и Джерри, съезжившись, забился в уголок между головой и плечом шкипера. Это разбудило шкипера; он ласково прошептал: «Джерри!», а Джерри в ответ ткнулся в его щеку своим холодным влажным носом. И шкипер снова заснул. Но Джерри не спал. Он приподнял носом конец одеяла и полез через плечо, пока не очутился под одеялом. Тут шкипер проснулся и помог ему устроиться поудобнее.

Но Джерри все еще был недоволен и вертелся, пока не забился между рукой и телом шкипера, а голову положил на его плечо. И тогда только с глубоким вздохом удовлетворения заснул.

Несколько раз команда, ставя паруса по ветру, будила шкипера, и каждый раз, вспомнив о щенке, он ласково прижимал его к себе. А Джерри во сне шевелился и старался поближе к нему прижаться.

Хоть Джерри и был замечательным щенком, но многого он понять не мог и так никогда и не узнал, какое впечатление произвело на капитана мягкое, теплое прикосновение его бархатного тела. А капитан вспомнил, как много лет назад держал на руках свою спящую дочку, когда она еще была грудным младенцем. И так живо было это воспоминание, что он окончательно проснулся, и бесконечные картины прошлого, начиная с детства девочки, стали всплывать перед его глазами. Ни один белый на Соломоновых островах не знал, какую тяжесть несет в себе капитан Ван Хорн, — тяжесть, часто не покидавшую его даже во сне. И на Соломоновы острова он приехал в тщетной надежде заглушить в себе эти воспоминания.

Память, разбуженная мягким щенком, спящим в его объятиях, стала рисовать картины прошлого. Он увидел девочку и ее мать в маленькой квартирке в Гарлеме. Да, правда, квартира была маленькая, но трое счастливых людей превратили ее в рай.

Ван Хорн увидел светлые, как лен, волосы своей девочки; они становились все длиннее, завивались в локоны и колечки; наконец, заструились вдоль спины двумя толстыми,

длинными косами; и потемнели, зазолотились, как у матери. Он был не в силах прогнать эти воспоминания и даже умышленно на них останавливался, словно пытался ими заслонить ту единственную картину прошлого, какую не хотел увидеть.

Ван Хорн вспомнил свою работу, служебный трамвайный вагон и команду, работавшую под его началом. Он задумался над тем, что делает теперь Кленси, его правая рука. Всплыл в памяти тот долгий день, когда его подняли с постели в три часа утра, – нужно было вытащить из витрины аптекарского магазина съехавший с рельсов трамвай и снова поставить его на рельсы. Они работали целый день, подобрали с полдюжины раздавленных людей и вернулись в трамвайный парк к девяти часам вечера. И сейчас же их снова вызвали на работу.

– Слава тебе, Господи! – сказал Кленси, живший с ним по соседству. Ван Хорн вспомнил, как тот вытирал пот с безобразного лица. – Слава тебе, Господи, дело совсем пустяшное и всего в каких-нибудь десяти кварталах от нас. Как только с ним покончим, айда домой, а ребята пусть отведут вагон в ремонтную мастерскую.

– Нам придется только на секунду приподнять его, – ответил Ван Хорн.

– А в чем там дело? – спросил Билли Джефферс, один из рабочих.

– Кого-то переехали – не могут вытащить, – ответил Ван Хорн, и они тронулись в путь, разместившись на подножке служебного вагона.

Ван Хорн отчетливо вспомнил все детали долгого пути, вспомнил, как задержала их пожарная команда с рукавами и лестницей, спешившая на пожар, а он и Клепси в это время подшучивали над Джефферсом, будто тот из-за сверхурочной ночной работы не попал на свидание с несуществующими девицами.

Показался длинный ряд остановившихся трамваев, полиция, сдерживавшая напор толпы, две кареты скорой помощи, ожидавшие свою поклажу, и молодой дежурный полисмен, бледный и дрожащий, обратившийся к нему со словами:

– Ужас что такое, парень! Смотреть страшно! Две женщины. Мы не могли их вытащить. Я старался. Одна как будто была еще жива.

Но Ван Хорн, здоровый и сильный парень, привык к своей работе; трудный день его утомил; он с удовольствием вспомнил светлую квартирку в нескольких кварталах отсюда, куда он пойдет, когда работа будет сделана. Полисмену он ответил беззаботно и уверенно, что вытащит их в один миг, и на четвереньках полез под вагон.

И снова он мысленно увидел, как вспыхнул его электрический фонарь и он посмотрел... Снова мелькнули перед ним тяжелые золотистые косы; потом его палец соскользнул с кнопки фонаря, и тьма спустилась на него.

– Что, одна еще жива? – спросил взволнованный полисмен.

Он повторил свой вопрос, пока Ван Хорн собирался с силами, чтобы надавить кнопку фонаря.

Он слышал свой собственный ответ:

– Сейчас я вам скажу...

И снова взглянул. Он смотрел добрую минуту.

– Обе умерли, – ответил он спокойно. – Кленси, пере дай мне домкрат¹³ номер третий, а сам подлезай с другого конца вагона.

Ван Хорн лежал на спине и смотрел вверх на колеблющуюся над его головой одинокую звезду, тускло светящуюся сквозь рваное облачко. Старая боль сжимала его сердце, сухо было в горле, горели глаза. И он знал, чего не знал ни единый человек, – почему он попал на Соломоновы острова, сделался шкипером «Эренджи», охотился за неграми, рисковал своей головой и пил виски больше, чем полагается пить человеку.

¹³ Домкрат – машина для поднятия тяжестей при помощи зубчатых колес.

С тех пор он не глядел ни на одну женщину. И белые заметили, что он был подчеркнуто холоден с детьми, как черными, так и белыми.

Но, заглянув в глаза самому страшному воспоминанию, Ван Хорн вскоре смог заснуть и, погружаясь в дремоту, с наслаждением ощущал на своем плече голову Джерри. Один раз Джерри, которому снились берег Меринджа, мистер Хаггин, Бидди, Терренс и Майкл, тихонько завизжал. Ван Хорн приподнялся, ласково притянул его к себе и зловеще забормотал:

– Если только негр посмеет тронуть этого щенка!..

В полночь, когда помощник коснулся его плеча, чтобы разбудить, Ван Хорн спросонья машинально и быстро схватил правой рукой револьвер, висевший у бедра, и забормотал:

– Если только негр посмеет тронуть этого щенка...

– Пожалуй, это мыс Коноро впереди, – объяснил Боркман, когда они стояли с наветренной стороны и смотрели на неясные очертания земли. – Мы сделали не больше десяти миль, и ветер ненадежный.

– Там наверху какая-то дрянь собирается, если только что-нибудь из этого выйдет, – сказал Ван Хорн, когда они оба перевели взгляд на разорванные облака, затемнявшие тусклые звезды.

Едва успел помощник принести снизу свое одеяло и устроиться на палубе, как до них долетел свежий ветер с суши, и «Эренджи» понесся по гладкой поверхности воды со скоростью девяти узлов. Сначала Джерри пробовал нести вахту вместе со шкипером, но вскоре свернулся клубочком и задремал, прикорнув к босой ноге шкипера.

Когда тот завернул его в одеяло и положил на палубу, он сейчас же снова заснул; но потом так же быстро проснулся, вылез из-под одеяла и стал ходить за шкипером взад и вперед по палубе. Тут шкипер задал ему новый урок, и через пять минут Джерри его усвоил. Шкипер хотел, чтобы Джерри оставался под одеялом: все в порядке, и он, шкипер, будет ходить по палубе мимо Джерри.

В четыре часа помощник принял вахту.

– Сделано тридцать миль, – сказал ему Ван Хорн. – Но теперь ветер снова переменялся. Может быть шквал. Лучше сбросьте на палубу фалы и поставьте вахтенных. Они, конечно, заснут, но пусть спят на фалах и шкотах.

Джерри проснулся, когда шкипер подлез под одеяло, и, словно то был веками установленный обычай, свернулся в клубочек между его рукой и боком. Шкипер прижался щекой к его морде, а Джерри засопел, лизнул его холодным язычком и погрузился в сон.

Полчаса спустя каждому могло бы показаться, что приближается конец света, но Джерри вряд ли это понимал. Проснулся он от неожиданного прыжка шкипера. Одеяло полетело в одну сторону, а Джерри – в другую.

Палуба «Эренджи» превратилась в отвесную стену, и Джерри полз по ней в ревушем мраке. Все веревки и ванты трещали, сопротивляясь яростному напору шквала.

– К грот-фалам! Живо! – услышал он громкий крик шкипера. Затем он различил высокую ноту грот-шкота, визжавшего на шкивах, когда Ван Хорн, привязывая в темноте брасы¹⁴, быстро пропускал парус между обожженными трением ладонями.

И еще много звуков – вопли судовой команды и окрики Боркмана – ударяли в барабанную перепонку Джерри в то время, как он катился вниз по крутой палубе своего нового неустойчивого мира. Но он не налетел на перила, где легко могли поломаться его хрупкие ребра, – теплая вода океана, хлынувшая через борт потоком бледно-фосфоресцирующего огня, смягчила его падение. Джерри запутался в бегучем такелаже и попробовал выплыть.

¹⁴ Брас – снасть для поворачивания реи.

А плыл он не для того, чтобы спасти свою жизнь, и не страх смерти гнал его. Одна мысль была в его мозгу: где шкипер? Он не думал о том, чтобы попытаться спасти шкипера или, быть может, помочь ему. Это была любовь, вечно влекущая к тому, кого любишь. Мать в минуту катастрофы бросается к своему ребенку; грек, умирая, вспоминает свой любимый Аргос¹⁵; солдаты на поле битвы отходят в вечность с именем возлюбленной на устах; так и Джерри в момент опасности стремился к шкиперу.

Шквал прекратился так же внезапно, как и налетел. «Эренджи» резко выровнялся, а Джерри очутился на мели, в желобе штирборта. Он рысцой побежал по палубе к шкиперу. Тот стоял, широко расставив ноги, и, все еще держа в руке канат от грот-шкота, кричал:

– Ах, черт поberi! Ветер тут как тут, а дождя все нет!

Почувствовав, как Джерри, радостно засопев, ткнулся в его голую икру своим холодным носом, он, наклонившись, приласкал его. В темноте он ничего не видел, но его согревала уверенность, что Джерри, несомненно, виляет хвостом.

Большинство перетрусивших чернокожих пассажиров столпилось на палубе, и их жалобные, ноющие голоса напоминали сонное воркованье птиц, дремлющих на шесте. Появился Боркман и стал рядом с Ван Хорном; оба в тревожном ожидании пытались что-то разглядеть в окружающем их мраке и напряженно прислушивались к движениям воздуха и моря.

– Где же дождь? – произнес с досадой Боркман. – За ветром всегда следует дождь. А сейчас его нет.

Ван Хорн по-прежнему вглядывался в темноту, прислушивался и не отвечал.

Джерри почувствовал волнение обоих мужчин и тоже насторожился. Он прижался холодным носом к ноге шкипера, лизнул его розовым язычком и ощутил соленый вкус морской воды.

Шкипер внезапно наклонился, торопливо завернул Джерри в одеяло и опустил его в углубление между двумя мешками с ямсом, привязанными на палубе позади бизань-мачты. Затем, подумав секунду, он завязал одеяло веревкой, так что Джерри очутился как бы в мешке.

Едва покончил он с этим делом, как контр-бизань пронеслась над головой, передние паруса, внезапно наполнившись, загрохотали, а грот, ослабленный Ван Хорном, повернулся и с таким треском натянул тали, что судно содрогнулось и сильно накренилось на левый борт. Этот второй шквал налетел с другой стороны и был значительно сильнее первого.

Джерри слышал, как шкипер крикнул помощнику:

– К грот-фалам! Отпустить шлаг¹⁶! Я позабочусь о таях! – Затем он обратился к команде: – Батто! Ты, парень, отпусти тали контр-бизани! Живей! Ранга! Отпусти шкот контр-бизани!

Тут Ван Хорна сбила с ног лавина чернокожих пассажиров, запрудивших палубу во время первого шквала. Барахтающаяся масса покатила вместе с ним вниз по залитой водой палубе, к колючей проволоке у левого борта.

Джерри сидел в своем уголке так плотно, что его не отбросило. Но когда команда, отдаваемая шкипером, смолкла, а секунду спустя от колючей проволоки понеслись его проклятия, Джерри пронзительно залаял и стал царапаться и биться, пытаясь выбраться из-под одеяла. Со шкипером что-то случилось. Он это знал. А о себе он ни разу не подумал, очутившись в этом хаосе гибнущего мира.

¹⁵ Аргос – в древности главный город Пелопонесской области (в Греции), центральный пункт государства.

¹⁶ Шлаг – оборот снасти, закрепленной вокруг чего-нибудь.

Но вскоре он перестал лаять, прислушиваясь к новому шуму – оглушительному хлопанию парусов, сопровождаемому громкими криками. В этом он увидел дурное предзнаменование. Он не знал, что опускают грот, после того как шкипер перерезал ножом фалы.

Адский шум все возрастал, а Джерри отвечал на него лаем, пока не почувствовал, как чья-то рука шарит поверх одеяла. Он притих и стал принюхиваться. Нет, то был не шкипер. Джерри еще раз потянул носом и узнал Леруми – того самого чернокожего, которого Бидди опрокинула на берегу, – Леруми, совсем недавно ударившего его, Джерри, по обрубку хвоста и всего неделю назад швырнувшего камнем в Терренса.

Веревка была развязана, и пальцы Леруми нащупывали его под одеялом. Джерри злобно зарычал. Это было святотатство. На нем, Джерри, собаке белого человека, было табу для чернокожих. Он рано постиг закон, воспрещающий всякому негру прикасаться к собаке белого бога. И однако Леруми – воплощение зла – осмеливался коснуться его в тот самый момент, когда мир рушился вокруг них.

И когда пальцы тронули Джерри, он вцепился в них зубами. Свободной рукой чернокожий нанес ему такой сильный удар, что зубы Джерри скользнули по пальцам, сорвав с них кожу и мясо.

Джерри бесновался, как чертенок. Его схватили за горло, едва не придушив, и швырнули в пространство. На лету он все еще визжал от бешенства. Он упал в море и пошел ко дну, втянув в легкие добрый глоток соленой воды; затем, барахтаясь, поднялся на поверхность и поплыл. О плавании ему раньше никогда не приходилось думать. И учиться плавать ему нужно было не больше чем учиться дышать. Ходьбе он должен был учиться, но тут нужно было плыть, и он поплыл.

Ветер выл и ревел. Пена, вздымаясь под ударами ветра, наполняла ему рот и ноздри, била по глазам, разъедала их и вызывая слезы. С морем Джерри был мало знаком, и теперь, ловя воздух, он высоко поднял морду над водой, чтобы выбраться из душивших его волн. В результате горизонтальное положение было нарушено; перебирая лапами, он уже не мог удержаться на воде, нырнул и пошел ко дну. Снова выбрался он на поверхность, наглотавшись соленой воды. На этот раз, не рассуждая, но двигаясь по линии наименьшего сопротивления, что было наиболее удобным, он вытянулся на воде и поплыл, сохраняя это положение.

Шквал утихал. Из темноты доносилось хлопанье полуспущенного грота, пронзительные крики команды, проклятия Боркмана, а над всем этим гудел голос шкипера, выкрикивавшего:

– Хватай боковой лик, ребята! Держи туго! Тащи вниз! Выбирай грот на два блока! Живо, черт побери, пошевеливайся!

Глава VI

Узнав голос шкипера, Джерри, барахтавшийся на зыби, сменившей шквал, залаял нетерпеливо и жалобно, и в этом лае была вся его любовь к новому господину. Но вскоре «Эренджи» уплыл от него, и все звуки замерли. И тогда одинокий, во мраке, на вздымающейся груди моря, в котором он признал еще одного из своих вечных врагов, Джерри стал жалобно визжать и скулить.

Смутной, неясной интуицией он осознал свою слабость среди этого безжалостного, грозного моря, несущего неведомую, но жутко предугадываемую опасность – смерть. Смерти – *своей* смерти – он не понимал.

Однако смерть была совсем близка, ее близость ощущалась каждой клеткой, каждым нервом, и это ощущение вещало о последней жизненной катастрофе; о ней он ничего не знал, по *чувствовал*, что здесь таится конечное и наибольшее несчастье. Но понимая, он

предчувствовал это так же остро, как предчувствуют люди, которые знают и обобщают значительно глубже и шире, чем четвероногие псы.

Как человек борется в тисках кошмара, так боролся и Джерри в гневном, удушающем соленом море. И он визжал и плакал – покинутый ребенок, покинутый щенок, всего полгода обитавший в волшебном мире радости и страдания. И ему *нужен, необходим* был шкипер. Ибо шкипер – бог!

Когда ветер утих и полил тропический дождь, Ван Хорн и Боркман столкнулись в темноте на борту «Эренджи», выпрямившегося после спуска грота.

– Двойной шквал, – сказал Ван Хорн, – ударил нас с правого и левого борта.

– Должно быть, расщепился надвое перед тем, как в нас ударить, – согласился помощник.

– А дождь приберег на вторую половину...

Ван Хорн не кончил фразы и выругался.

– Эй, парень! Что там у тебя случилось? – крикнул он рулевому.

Кеч, со слабонатянутой контр-бизанью, попал в полосу ветра, задний парус обвис, а передние наполнились с другого галса. «Эренджи» стал двигаться назад, приблизительно в том направлении, откуда пришел. Иными словами, он плыл туда, где Джерри барахтался в море. Так весы, на которых колебалась жизнь Джерри, склонялись в его пользу благодаря ошибке чернокожего рулевого.

Переведя «Эренджи» на новый галс, Ван Хорн велел Боркману убрать канаты, разбросанные по палубе, а сам, присев на корточки, стал сплетать под дождем снасть, которую во время шквала вынужден был разрезать. Дождь затихал и не так громко барабанил по палубе, когда шкипер обратил внимание на какой-то звук, шедший с моря. Он оторвался от работы, прислушался и, узнав жалобный визг Джерри, вскочил.

– Щенок за бортом! – крикнул он Боркману. – Вынести кливер на ветре!

Он бросился на корму, расталкивая кучку чернокожих.

– Эй вы, ребята! Убрать контр-бизань!

Он взглянул в нактоуз¹⁷ и наспех определил по компасу направление, откуда доносился визг Джерри.

– Навались на штурвал! – крикнул он рулевому, затем подскочил к рулю и сам стал поворачивать колесо, все время повторяя вслух: – Норд-ост.

Вернувшись к нактоузу, он тщетно прислушивался, не раздастся ли снова визг Джерри, надеясь проверить, правильно ли он определил направление. Но ждал он недолго. Хотя благодаря его маневру «Эренджи» лег в дрейф, шкипер хорошо знал, что ветер и морское течение быстро отнесут его в сторону от барахтавшегося щенка. Приказав Боркману идти на корму и спустить вельбот, он бросился вниз за электрическим факелом и лодочным компасом.

Кеч был так мал, что приходилось тащить его единственный вельбот на буксире за кормой на длинном двойном фалине, и к тому времени, когда его подтянули к корме, Ван Хорн уже вернулся. Колочая проволока его не остановила; он перекинул через нее одного за другим матросов, упавших плашмя в лодку, и сам последовал за ними. Последние инструкции он выкрикнул, когда отпускали фалинь.

– Боркман, зажги якорный огонь! И лежать в дрейфе! Грот не ставить! Вычистить палубу! – Он взял рулевое весло и, подбодряя гребцов, крикнул: – Гребите, гребите, ребята!

¹⁷ Нактоуз – ящик со стеклянной крышей, где помещается корабельный компас на палубе корабля.

Управляя рулем, он освещал факелом компас, чтоб держаться курса ост-норд-ост. Затем он вспомнил, что лодочный компас на два деления уклоняется от компаса «Эренджи», и соответствующим образом изменил курс.

Время от времени он приказывал гребцам поднять весла, прислушивался и звал Джерри. Иногда он заставлял их грести по кругу, возвращаться назад, плыть по ветру и против ветра, чтобы осмотреть все пространство, где, по его мнению, мог находиться щенок.

– Ты, парень, слушай ушами, – сказал он первому гребцу. – Если кто из вас услышит собачьего детеныша, я дам тому пять раз по шесть футов коленкору и два раза по десять пачек табаку.

Через полчаса он уже предлагал «двенадцать раз по десять футов коленкору и десять раз по десять пачек табаку» тому, кто первый услышит «собачьего детеныша».

Джерри пришлось плохо. Плавать он не привык, соленая вода, хлеставшая в открытый рот, душила его, и он уже начал выбиваться из сил, когда случайно заметил вспышку факела капитана. Этот свет, однако, не был связан у него с представлением о шкипере, и он обратил на него столько же внимания, сколько и на первые звезды, загоревшиеся на небе. Ему даже не пришло в голову подумать, звезда это или нет. Он продолжал визжать, захлебываясь в соленой воде. Но едва донесся голос шкипера, Джерри сразу обезумел. Он пытался подняться на задние лапы и опереться передними на голос шкипера, шедший из темноты, как оперся бы на его колено, будь тот рядом. Результаты оказались плачевными. Равновесие было нарушено: Джерри пошел ко дну, захлебнулся и едва выбился на поверхность.

Некоторое время вода, наполнившая легкие, мешала ему отвечать на все еще доносившийся крик шкипера. Наконец, он смог ответить и разразился радостным лаем. Шкипер пришел: он возьмет его из этого едкого, колючего моря, которое слепит ему глаза и мешает дышать. Шкипер действительно был богом – его богом, наделенным божественной властью спасать.

Вскоре он услышал ритмический стук весел в уключинах, и его лай зазвучал так же радостно, как голос шкипера, который все время подбодрял его и подгонял гребцов.

– Все в порядке, Джерри, старина. Все в порядке... – Гребь, гребь, ребята! – Едем, Джерри, едем! Держись, старина! Крепись. – Гребь, гребь, черти. – Вот и мы, Джерри. Держись, мы тебя вытащим. – Легче... легче... Гребь!

И внезапно Джерри увидел, как из мрака выступили смутные очертания вельбота; свет факела ударил в глаза и ослепил его, и, радостно лая, Джерри почувствовал и узнал руку шкипера, схватившую его за загривок и поднявшую на воздух.

Весь промокший, он прижался к сырой от дождя груди шкипера, бешено колотя хвостом по удерживающей руке и неистово облизывая подбородок, щеки, губы и нос шкипера. А шкипер не замечал, что сам он промок и трясется в приступе перемежающейся лихорадки, вызванной сыростью и недавней тревогой. Он знал только, что щенок, данный ему в то утро, вернулся целым и невредимым.

Когда команда склонилась к веслам, он зажал рулевое весло между рукой и боком, чтобы другой рукой поддерживать Джерри.

– Ах ты, мой малыш, – шептал он и все снова и снова повторял эти слова. – Ах ты, мой малыш!

А Джерри, повизгивая и скуля, отвечал ему поцелуями, и он также весь дрожал, но не от холода: его чувствительные нервы были слишком потрясены.

Очутившись на борту, Ван Хорн поделился своими мыслями с помощником.

– Щенок попал за борт неспроста. И волной его не смыло. Я завернул его в одеяло и привязал веревкой.

Он прошел сквозь толпу, состоявшую из команды и шестидесяти чернокожих пассажиров, высыпавших на палубу, и осветил факелом одеяло, все еще лежавшее на мешках.

– Так и есть. Веревка перерезана, а узел нетронут. Кто из негров это сделал?

Он оглядел круг черных лиц, направляя на них свет факела, и в глазах его вспыхнул такой обличающий гнев, что все потупились или отвели глаза.

– Эх, если бы только щенок умел говорить! – с сожалением воскликнул он. – Он бы сказал, чьих рук это дело.

Вдруг он наклонился к Джерри, который стоял так близко к нему, что его мокрые передние лапы покоились на голых ступнях шкипера.

– Ты его знаешь, Джерри, ты знаешь этого парня, – заговорил он быстро и возбужденно, указывая вопросительным жестом на толпу.

Джерри моментально оживился, стал прыгать и нервно тявкать.

– Похоже на то, что собака может меня привести к нему, – сказал Ван Хорн помощнику. – Иди, Джерри, ищи его, куси, хватай! Где он, Джерри? Ищи его! Ищи!

Джерри понял только, что шкипер что-то от него хочет. Он должен найти то, чего хотел шкипер, а Джерри рад был ему услужить. Он бесцельно прыгал во все стороны, и возгласы шкипера еще сильнее его возбуждали. Затем ему пришла в голову одна мысль, и мысль вполне определенная. Круг чернокожих расступился перед ним, и он по штирборт бросился на нос, туда, где лежала куча крепко привязанных ящиков. Он сунул нос в отверстие норы, где обитала дикая собака, и втянул воздух. Да, дикая собака была там. Он не только узнал ее запах, но и услышал угрожающее рычание.

Джерри вопросительно взглянул на шкипера. Быть может, шкипер хочет, чтобы он полез в нору за дикой собакой? Но шкипер расхохотался и махнул рукой, давая понять, что поиски нужно вести в другом месте и искать следует что-то иное.

Джерри прыгнул в другую сторону и стал обнюхивать те утолчки, где, как ему было по опыту известно, водятся тараканы и крысы. Однако он быстро понял, что шкипер не того хочет. Он горел желанием услужить и без всякой определенной цели стал обнюхивать ноги чернокожих.

Это вызвало похвалу и поощрение шкипера, и Джерри едва не обезумел. Так вот в чем дело! Он должен опознать по ногам судовую команду и рабочих. Он рьяно принялся за работу, перебегал от одного чернокожего к другому, пока не наскочил на Леруми.

И тут он забыл, что шкипер чего-то от него хочет. Он знал только, что перед ним Леруми, который нарушил табу, наложив руку на его священную особу, – Леруми, швырнувший его за борт.

Взвизгнув от бешенства, он оскалил белые зубы, весь ошетинился и прыгнул на чернокожего. Леруми пустился бегом по палубе, а Джерри преследовал его под дружный хохот негров. Несколько раз, обегая по палубе, он ухитрился царапнуть зубами голые икры. Наконец, Леруми бросился на снасти грот-мачты, предоставив Джерри бесноваться на палубе.

Чернокожие, образовав полукруг, отступили на почтительное расстояние от Ван Хорна и Джерри. Ван Хорн направил свой электрический фонарь на негра, повисшего на снастях, и увидел длинные параллельные царапины на пальцах той руки, которая осмелилась пролезть к Джерри под одеяло. Он многозначительно указал на них Боркману, который стоял вне круга так, чтобы ни один чернокожий не мог зайти к нему с тыла.

Шкипер подхватил Джерри и стал его успокаивать.

– Молодец, Джерри! Припечатал его. Славный пес, молодчина!

Он повернулся к Леруми, цеплявшемуся за снасти, осветил его и сурово проговорил:

– Как звать тебя, парень?

– Мой звать Леруми, – последовал нетвердый, чирикающий ответ.

– Едешь из Пендефрина?

– Мой едет из Меринджа.

Секунду капитан Ван Хорн размышлял, продолжая ласкать щенка. Ведь Леруми был одним из возвращавшихся рабочих. Через день, самое большее через два дня он высадит его на берег и отделается от него.

– Слушай меня, – проговорил он. – Я на тебя сердит. Я здорово на тебя сердит. Так сердит, что и сказать не могу. Какого черта ты бросил в воду собачку, которая принадлежит мне?

Леруми не в силах был ответить. Он беспомощно закатил глаза и приготовился к хорошей порке, ибо по горькому опыту знал обычаи белых господ.

Капитан Ван Хорн повторил свой вопрос, а чернокожий снова беспомощно закатил глаза.

– За пару пачек табаку выколочу из тебя семь склянок, – ругался шкипер. – А теперь слушай, что тебе говорят. Если ты посмеешь хоть разок поглядеть на мою собаку, я из тебя семь склянок выколочу. Понял?

– Мой понял, – жалобно протянул Леруми, и инцидент был исчерпан.

Чернокожие пассажиры отправились спать в каюту. Боркман и матросы поставили грот и перевели «Эренджи» на прежний курс. А шкипер принес снизу сухое одеяло и улегся спать; Джерри прижался к нему и голову положил на его плечо.

Глава VII

В семь часов утра, когда шкипер вытащил его из-под одеяла и поднялся, Джерри отпраздновал новый день тем, что загнал назад в нору дикую собаку и заставил Леруми отскочить шагов на шесть в сторону и уступить ему палубу под сдержанное хихиканье чернокожих.

Завтракал он вместе со шкипером, но тот ничего не ел, запил чашкой кофе пятьдесят гран хинина, завернутого в папиросную бумагу, и пожаловался помощнику, что ему придется залезть под одеяло и хорошенько пропотеть, пока не отпустит приступ лихорадки. Палящее солнце сушило палубу, над которой поднимались завитки пара, а у Ван Хорна начался озноб и зубы стучали, но все же он ласково прижимал к себе Джерри и называл его принцем и королем и сыном королевским.

Дело в том, что Ван Хорну не раз приходилось слышать за стаканом виски с содовой родословную Джерри. Ее рассказывал Том Хаггин в те часы, когда удушливый зной мешал уснуть. А родословная была поистине царственной, насколько это возможно для ирландского терьера, род которого шел от ирландского волкодава и формировался и совершенствовался под руководством человека в течение двух человеческих поколений.

Ван Хорн помнил, что Терренс Великолепный происходил от американского Мильтона Дролин, рожденного королевой графства Энтрим – Бредой Медлер, чей род тянулся едва ли не с мифических времен. А род Бидди можно было проследить до Эрин, которая числилась в ряду предков Бреды Медлер.

В объятиях любимого бога Джерри познал экстаз любви, хотя и не понимал таких слов, как «принц» и «королевский сын»; он знал только, что эти слова говорят о любви, тогда как шипение Леруми несет в себе ненависть. Но одно Джерри знал, совсем о том не думая, а именно, что шкипера он полюбил за эти несколько часов больше, чем любил Дерби и Боба; а Дерби и Боб были, за исключением мистера Хаггина, единственными белыми богами, каких он когда-либо знал. Этого он не сознавал. Он просто любил и действовал согласно побуждениям своего сердца, мозга или какого-то иного органа, где зародился этот таинственный, восхитительный и ненасытимый голод, именуемый «любовью».

Шкипер направился вниз. Он шел, не обращая ни малейшего внимания на Джерри, который тихонько трусил за ним по пятам до самой рубки. Шкипер не замечал Джерри, ибо

от лихорадки у него ныло все тело, стыли кости, голова, казалось, чудовищно распухла, все кружилось перед его помутившимися глазами, а походка стала шаткой и слабой, как у пьяницы или дряхлого старца. И Джерри чуял, что со шкипером творится что-то неладное.

У шкипера уже начинался бред, сменявшийся секундами просветления, когда он сознавал, что ему нужно сойти вниз и забраться под одеяло. Он стал спускаться по ступеням, похожим на приставленную лестницу, а Джерри, сдерживая волнение, молчаливо следил за ним, надеясь, что шкипер, сойдя вниз, поднимет руки и спустит его на пол. Но шкиперу было так скверно, что он позабыл о существовании Джерри. Шатаясь и широко расставив руки, чтобы удержаться в равновесии, он потащился через каюту на нос, к своей койке в крохотной каюте.

Джерри был действительно благородного происхождения. Он хотел залаять, попросить, чтобы его спустили вниз, но не сделал этого. Он сдержался, сам не зная почему и только смутно сознавая, что к шкиперу следует относиться так, как относятся к богу, и приставать к нему сейчас не время. Его томило желание залаять, но он не издал ни одного звука и только тосковал у порога рубки, прислушиваясь к замиравшим шагам шкипера.

Однако по прошествии четверти часа Джерри готов был нарушить молчание. С уходом шкипера, которого, очевидно, постигла какая-то беда, свет погас для Джерри. Его уже не привлекала возможность загнать в нору дикую собаку. Он не обратил внимания на прошедшего мимо Леруми, хотя и мог бы напасть на него и прогнать с палубы. «Эренджи» скользил по затихшему морю, но даже хлопающий и раздувающийся над головой грот не удостоился ни единого презрительного взгляда Джерри.

И как раз в ту минуту, когда Джерри почувствовал настоятельную необходимость присесть, повернуть нос к зениту и в звуках излить раздирающую сердце грусть, его осенила одна мысль. Нельзя объяснить, каким путем дошел он до нее. Так же точно не объяснить, почему человек сегодня за завтраком заказывает зеленый горошек и отказывается от стручковых бобов, тогда как накануне отдавал предпочтение бобам и отказывался от горошка. И так же точно судья, выносящий приговор осужденному преступнику и назначающий ему восемь лет тюремного заключения, а не пять или не девять лет, не сможет объяснить, почему он глубоко убежден в том, что именно восемь лет являются наказанием справедливым и соответствующим преступлению. А если люди – эти полубожественные существа – не могут проникнуть в тайну зарождения идей и побуждений, воспринимаемых ими как идеи, – то тем более нельзя ждать, чтобы собака познала, откуда пришла мысль, заставившая ее действовать с определенной целью.

Так было и с Джерри. Мысль появилась в его глубочайшем мыслительном центре и повела его к действию. Он повиновался ей, как повинуются марионетка шнурку, и немедленно побежал на корму разыскивать помощника.

Ему нужно было обратиться за помощью к Боркману. Боркман тоже был двуногим белым богом. Боркману ничего не стоило снести его вниз по крутому трапу, а этот трап был для Джерри, без посторонней помощи, табу, и нарушение его грозило катастрофой. Но в Боркмане было мало любви, а следовательно, и понимания. Кроме того, Боркман был занят. Он следил за правильным курсом «Эренджи», ставя по ветру паруса и отдавая распоряжения рулевому, наблюдая за судовой командой, мывшей палубу и чистившей медные части, а помимо этого то и дело прикладывался к украденной у капитана бутылке с виски, которую прятал в углубление между двумя мешками с ямсом, привязанными на палубе позади бизань-мачты.

Боркман, только что крепко выругавший за промах чернокожего рулевого, пообещав выколотить из него семь склянок, как раз собирался еще разок глотнуть из бутылки, когда перед ним появился Джерри и преградил путь. Однако Джерри загородил дорогу не так, как если бы перед ним очутился хотя бы Леруми. Он не оскалил зубов и не ошетинился.

Наоборот, Джерри весь превратился в мольбу и призыв; хотя он лишен был дара речи, но и без слов умел говорить красноречиво: он извивался всем телом, вилял хвостом, прижал назад уши, а глазами мог бы передать свою мысль всякому чуткому и понимающему человеку.

Но Боркман видел перед собою только четвероногое существо животного мира и по свойственной ему животной заносчивости считал его ниже себя. Нежный щенок, горящий желанием передать ему свою просьбу, был скрыт от него словно туманной пеленой. Он видел только четвероногое животное, которое следовало отбросить в сторону, а затем торжественно прошествовать к бутылке, разжигающей мозг, дарующей грезы о том, что он – принц, а не простолудин, господин, а не раб жизни.

И Джерри был грубо отброшен в сторону босой ногой, такой же бесчувственной и жестокой, как бездушное море, ударяющее о прибрежные скалы. Джерри едва не растянулся на скользкой палубе, затем восстановил равновесие, застыл на месте и молча поглядел на белого бога, который так дерзко с ним обошелся. Этот низкий и несправедливый поступок не вызвал у Джерри мстительного рычания, которым, несомненно, был бы награжден Леруми или кто-нибудь из чернокожих. И в голове его не мелькнуло ни одной мысли о мщении. То был не Леруми. То был высший бог, двуногий, белокожий, как шкипер, как мистер Хаггин, как пара других высших богов, которых он знал. Он ощутил только обиду, как ребенок, получивший шлепок от легкомысленной или нелюбящей матери.

С обидой была связана и злоба. Джерри прекрасно знал, что бывают два вида грубости. Бывает грубость ласковая, любовная, та грубость, с какой шкипер хватал его за морду, раскачивал до того, что зубы начинали стучать, и, отбрасывая в сторону, сейчас же приглашал вернуться и подвергнуться встряске. Такая грубость преисполняла Джерри блаженством. В ней была близость к любимому богу, который пожелал таким путем выразить любовь.

Но грубость Боркмана была иного рода. В ней не чувствовалось ни привязанности, ни любви. Джерри это не вполне понимал, но разницу ощущал, и несправедливый поступок вызвал в нем злобу, не претворившуюся, однако, в действие. И теперь, восстановив равновесие, он тщетно пытался понять происшедшее и серьезно глядел на помощника, который, повернув бутылку дном кверху, глотал виски, булькавшее у него в горле. И он продолжал так же серьезно глядеть на помощника, когда тот прошел на корму и пригрозил чернокожему рулевому выколотить из него «Песнь песней» и весь Ветхий Завет, а чернокожий смиренно и умоляюще скалил зубы, совсем так, как это делал Джерри несколько минут назад.

Покинув этого бога, как бога нелюбимого и непонятого, Джерри грустно пустился рысцой назад, к рубке, и, томясь, свесил голову через порог, в том направлении, где скрылся шкипер. Он мучительно ощущал жгучее желание быть вместе со шкипером, который чувствовал себя скверно и попал в беду. Ему нужен был шкипер. Ему хотелось быть с ним, ибо он его любил; кроме того, он мог ему помочь, но эту вторую мысль Джерри сознавал смутно. Он был беспомощен, молод и неопытен; стремясь к шкиперу, он свесил голову за порог рубки и жалобно визжал и скулил, и так непосредственна была его скорбь, что он не обращал внимания на негров, столпившихся на палубе и внизу и хохотавших над ним.

От порога до пола каюты было семь футов. Всего несколько часов назад Джерри вскарабкался по крутому трапу, но спуститься вниз было невозможно, и он это знал. И все же дело кончилось тем, что он рискнул спуститься. Стремясь во что бы то ни стало найти шкипера, он в то же время отчетливо сознавал всю невозможность сползти по трапу головой вниз, не имея опоры для лап и когтей, и не пытался это проделать. Движимый любовью, он героически прыгнул вниз и вперед. Он знал, что этим поступком нарушает табу так же точно, как если бы прыгнул в лагуну Мериндж, где плавают страшные крокодилы. Великая любовь никогда не отступает перед жертвой и самоотречением. И только во имя любви мог совершить Джерри этот прыжок.

Он ударился головой и боком. От удара в бок у него перехватило дыхание, удар в голову оглушил его. Но даже лежа в беспмятстве на боку и подергиваясь всем телом, он судорожно перебирал лапами, словно бежал навстречу шкиперу. Чернокожие глядели на него и хохотали, а когда он перестал дрожать и перебирать лапами, они продолжали смеяться. У этих дикарей, проводших всю жизнь в глуши и ничего иного не видевших, и понятие о смешном было дико и нелепо. При виде оглушенного, а быть может, и мертвого щенка, они едва не лопались от смеха. Лишь по прошествии четырех минут Джерри пришел в себя и поднялся с помутившимся взглядом. Широко расставив лапы, он приспособился к качке «Эренджи». Но с первым же проблеском сознания всплыла мысль, что ему нужно добраться до шкипера. Чернокожие?.. Охваченный беспокойством и любовью, он не считался с ними. Он не обращал внимания на хихикающих, ухмыляющихся, поддразнивающих чернокожих, которые, не будь он под страшной эгидой великого белого господина, с наслаждением убили бы его и съели, тем более что щенок, пройдя хорошую тренировку, обещал стать первоклассным охотником за неграми. Не поворачивая головы, гордо подчеркивая свое пренебрежение к их существованию, Джерри побежал на нос в каюту, где шкипер метался в бреду на своей койке.

Джерри никогда не болел малярией и не понимал, в чем дело. Но он был сильно встревожен тем, что шкипер попал в беду. Шкипер не узнал его, когда он вскочил на койку, перепрыгнул через тяжело вздымавшуюся грудь шкипера и слизнул с его лица едкий лихорадочный пот. Дико метавшийся шкипер отшвырнул его в сторону, и Джерри больно ударился о койку.

В этой грубости не было ничего любовного. Не походила она и на грубость Боркмана, отпихнувшего его ногой. Она объяснялась бедой, которая приключилась со шкипером. Джерри не обсуждал этого вывода, но действовал так, словно дошел до него путем умозаключений. Точнее всего это можно выразить следующим образом: в этой грубости Джерри *почувал* новый оттенок.

Он сел как раз на таком расстоянии, чтобы его не задевала беспокойно метавшаяся рука, и томился желанием придвинуться ближе и еще разок лизнуть лицо бога, который его не узнавал. Но Джерри знал, что тот его крепко любил. И он разделял беду шкипера и страдал вместе с ним.

– Эй, Кленси, – болтал шкипер, – славная работа выдалась у нас сегодня, и лучших ребят для этого дела не найти... Кленси, дай домкрат номер третий. Подлезай с переднего конца. – Затем кошмарные видения исчезли. – Тише, милочка, зачем ты говоришь папе, как нужно расчесывать твои золотые волосы? Словно я не расчесывал их эти семь лет... и лучше, чем твоя мама, милочка, лучше, чем твоя мама. Мне выдали золотую медаль за то, что я расчесываю золотые волосы моей красавицы-дочки... Судно сбилось с курса! Руль по ветру! Поставить кливер и фор-марсель! Полный ход!.. А оно несется по волнам, как волшебный корабль!.. Моя игра! Блеки, коли ты останешься в игре, увидишь хорошие карты, уж можешь мне поверить!

Из уст шкипера вырывались обрывки никому не известных воспоминаний, грудь его вздымалась, руки разметались; а Джерри, прижавшись к койке, грустил, сознавая всю невозможность помочь. Во всем происходящем он ничего не понимал. Об игре в покер он знал не больше, чем о курсе корабля, о разбитых трамвайных вагонах в Нью-Йорке или о расчесывании длинных золотистых волос любимой дочки в маленькой квартирке в Гарлеме.

– Обе умерли, – выговорил в бреду шкипер. Он произнес это спокойно, словно сообщал, который час; потом застонал: – Ох, какие у нее были красивые золотые косы!

Некоторое время он лежал неподвижно и надрывно рыдал. Этим воспользовался Джерри. Он подлез под руку, прижался к шкиперу, голову положил ему на плечо, слегка касаясь холодным носом его щеки, и почувствовал, как рука обвилась вокруг него и теснее

его прижала. Кисть руки ласково его погладила, а прикосновение его бархатного тела изменило болезненные грезы шкипера, который начал бормотать холодным, зловещим тоном:

– Если какой-нибудь негр посмеет тронуть этого щенка...

Глава VIII

Через полчаса у Ван Хорна обильно выступила испарина, ознаменовавшая перелом в приступе малярии. Он почувствовал величайшее облегчение, и последняя дымка бреда рассеялась. Но он был совершенно расслаблен; отшвырнув одеяло и узнав Джерри, он погрузился в освежающий здоровый сон.

Проснулся он лишь через два часа и поднялся, чтобы идти на палубу. Возбравшись до половины трапа, он опустил Джерри на палубу, а сам вернулся вниз, в каюту, за забытой бутылкой хинина. Но он не сразу вернулся к Джерри. Его внимание привлек длинный ящик под койкой Боркмана. Деревянная задвижка, придерживавшая его, отскочила, ящик выдвинулся и свешивался под углом, готовый слететь на пол. Положение было серьезно. Ван Хорн ни мало не сомневался, что упади этот ящик на пол во время вчерашнего шторма, пропал бы и «Эренджи» и все восемьдесят человек, находившиеся на борту. Ящик был наполнен всякой всячиной: динамитными патронами, коробками со взрывчатыми капсюлями, дистанционными трубками¹⁸, свинцовыми лотами, инструментами и многочисленными коробками с ружейными, револьверными и пистолетными патронами. Ван Хорн рассортировал и в порядке уложил все это, взял винт подлиннее и с помощью отвертки приделал задвижку.

А Джерри тем временем наткнулся на новое приключение, далеко не из приятных. Поджидая шкипера, он случайно заметил дикую собаку, дерзко растянувшуюся на палубе, шагах в двенадцати от своей норы между ящиками. Джерри немедленно припал к полу и стал подкрадываться. Успех, казалось, был обеспечен, так как дикая собака лежала с закрытыми глазами и, по-видимому, спала.

И в этот самый момент помощник, шествовавший с носа в том направлении, где между мешками с ямсом была припрятана бутылка, крикнул заметно осипшим голосом: «Джерри!» Джерри прижал уши, по форме напоминавшие большие лесные орехи, вежливо завилял хвостом, но изъявил намерение продолжать слежение за врагом. Услышав голос помощника, дикая собака открыла глаза, метнула взгляд в сторону Джерри и прыгнула в свою нору; очутившись там, она повернулась, высунула морду, оскалила зубы и торжествующе-презрительно зарычала.

Лишившись своей добычи по неосмотрительности помощника, Джерри побежал назад, к порогу рубки, чтобы дожидаться шкипера. Но Боркман, у которого от частого прикладывания к бутылке голова затуманилась, цеплялся за свою мысль, как это свойственно пьяным. Еще дважды он повелительно окликнул Джерри, и оба раза Джерри, любезно прижав уши и вильнув хвостом, отказывался повиноваться. Затем он свесил голову за порог в каюту и стал ждать шкипера.

Боркман вспомнил свое первоначальное намерение и продолжал путь к бутылке, которую не замедлил повернуть дном кверху. Но и вторая мысль, какой пустячной она ни была, удержалась; некоторое время он стоял, пошатываясь и что-то бормоча, затем сделал вид, будто изучает свежий бриз, надувший паруса «Эренджи» и накренивший палубу, глупо попытался изобразить перед рулевым орлиную бдительность в своих мутных от пьянства глазах и, наконец, покачиваясь, пошел на середину судна к Джерри.

¹⁸ Дистанционная трубка – трубка, вставляемая в шрапнель или иной взрывчатый снаряд, чтобы сообщить ему огонь во время полета и произвести разрыв в воздухе на известном расстоянии (дистанции).

Джерри впервые заметил присутствие Боркмана, когда тот больно и жестоко щипнул его за бок. Джерри твякнул от боли и обернулся. Тогда помощник принялся за ту же игру, какую вел шкипер: он стиснул рукой морду Джерри так сильно, что у того застучали зубы, и задал ему встряску, ничем не похожую на любовную встряску шкипера. Джерри еле удерживался на ногах, зубы болезненно лязгали, а затем его грубейшим образом отшвырнули в сторону по скользкому скату палубы.

Но Джерри с равными и высшими был воплощенной вежливостью. В конце концов даже с низшими, как, например, с дикой собакой, он никогда сознательно не злоупотреблял выпадавшими на его долю преимуществами. А с высшим двуногим белым богом, как Боркман, требовался больший контроль, сдержанность и обуздание примитивных инстинктов. Он не хотел играть с помощником в игру, которую с таким экстазом вел со шкипером, так как помощника он не любил, хотя тот и был двуногим белым богом.

И все же Джерри оставался в высшей степени любезным. Он вернулся, слабо имитируя ту увлекательную, возбужденную атаку, которой научил его шкипер. В действительности он притворялся, разыгрывал роль, стараясь делать то, чего ему совсем не хотелось. Он делал вид, будто играет, и для вида рычал, но симуляция выходила мало правдоподобной.

Он вилял хвостом добродушно и по-дружески, рычал грозно и миролюбиво, но помощник с пьяной прозорливостью уловил разницу и смутно почуял притворство, обман. Джерри плутовал – из вежливости. Боркман спьяна различил плутовство, но не оценил скрытого за ним доброго чувства. И это вывело его из себя. Забыв, что и сам он животное, он видел перед собой не больше чем животное, с которым пытался дружески поиграть, как играл шкипер.

Война стала неизбежной, но начал ее не Джерри, а Боркман. Боркман ощущал непреодолимую потребность зверя утвердить свое господство над другим зверем – этим четвероногим щенком. Джерри почувствовал, как рука еще сильнее сдавила его челюсти и еще грубее отшвырнула вниз по палубе. А палуба вследствие сильной качки превратилась в крутой и скользкий холм.

Джерри вернулся, неистово цепляясь когтями за палубу, дававшую плохую опору лапам; он вернулся, уже не симулируя гнев, но побуждаемый первым проблеском подлинной ярости. Этого он не сознавал. Вернее всего, он был под впечатлением, будто играет в ту же игру, какую вел со шкипером. Короче – его начала интересовать игра, хотя совсем иначе, чем игра со шкипером.

На этот раз он быстро оскалил зубы, намереваясь глубже впиться в хватающую его руку, но промахнулся; он снова был схвачен и отброшен, отлетел дальше и ударился больнее, чем раньше. Отползая назад, он стал озлобляться, хотя и не сознавал этого. Но помощник, как человек, хотя и был пьян, почувствовал перемену в нападении Джерри раньше, чем сам Джерри ее почуял. И Боркман не только ее почувствовал – она отшвырнула его назад, в первобытные времена, и побудила драться, чтобы восторжествовать над этим щенком... Так, быть может, дрался первобытный человек с первым выводком, похищенным из волчьего логовища в скалах.

Действительно, род Джерри восходил к этим далеким временам. Его далекие предки были ирландскими волкодавами, а задолго до этого предками волкодавов были волки. Рычание Джерри звучало теперь по-иному. Незабываемое и неизгладимое прошлое стянуло его голосовые связки. Его зубы сверкали. Джерри был весь охвачен страстью, и страсть побуждала его глубоко вонзить зубы в руку человека. Он отпрыгнул назад, в темную жестокую глушь первобытного мира, отпрыгнул почти с той же быстротой, как это сделал Боркман. И на этот раз его зубы оставили метку, содрав нежную, чувствительную кожу и мясо с внутренней стороны двух сочленений на правой руке Боркмана. Зубы Джерри кололи, как иголки, и Боркман, ухватив морду Джерри, отбросил его в сторону с такой силой, что тот едва не ударился о низкие перила «Эренджи».

Ван Хорн, покончив с уборкой и починкой ящика с взрывчатыми веществами, поднялся по трапу, увидел битву, остановился и молча смотрел.

Но смотрел он в прошлое, за миллионы лет, и видел два безумных существа, которые сорвали с себя узду многих поколений и возвратились в мрак зарождающейся жизни, когда проблеск разума еще не смягчил эту жизнь реактивом зрелой мысли. В мозгу Боркмана пробудились те же далекие унаследованные инстинкты, что и в мозгу Джерри. Оба вернулись назад, к прошлому. Все усилия и достижения десяти тысяч поколений сошли на нет, и битва шла не между Джерри и помощником, а между собакой-волком и дикарем. Ни один из них не видел Ван Хорна, который, не вылезая из люка, стоял так, что глаза его приходились как раз на уровне порога.

Для Джерри Боркман уже не был больше богом, так же точно, как и сам он – Джерри – не был гладкошёрстным ирландским терьером. Оба забыли миллион лет, отпечатавшийся в их наследственности слабее, чем те века, какие протекли до этого миллиона. Джерри опьянения не знал, но несправедливость понимал хорошо и теперь был охвачен яростным негодованием. Боркман, готовясь отразить следующее нападение, промахнулся, и Джерри успел укусить его за обе руки раньше, чем был отброшен в сторону.

И всякий раз Джерри возвращался. Как истинный обитатель джунглей, он истерическим лаем выражал свое негодование. Но он не скулил, ни разу не попятился, не уклонился от удара. Он наступал напролом, стараясь укусить, не избегая удара, и встретить удар зубами. Наконец, он с такой силой был отброшен назад, что больно ударился боком о перила, и Ван Хорн крикнул:

– Прекрати, Боркман! Оставь щенка в покое!

Помощник, не подозревавший, что за ним наблюдают, вздрогнул от удивления и обернулся. Резкий повелительный голос Ван Хорна пронесся через миллион лет. Боркман попытался изобразить на искаженном от гнева лице нелепую, извиняющуюся улыбку и едва успел пробормотать: «Ведь мы только играли...», как Джерри вернулся, подпрыгнул и вонзил зубы в руку врага.

Боркман снова был отброшен назад за миллион лет, попробовал лягнуть ногой, а Джерри ободрал ему лодыжку. От боли и бешенства помощник забормотал что-то несвязное и, наклонившись, с размаху ударил Джерри по голове и по шее. Как раз в этот момент Джерри подпрыгнул и, получив удар на лету, перекувырнулся в воздухе и упал на спину. Едва поднявшись на ноги, он хотел возобновить нападение, но шкипер его окликнул:

– Джерри! Брось! Иди сюда!

Ему стоило большого труда повиноваться; шерсть на шее оцетинилась, а губа приподнялась над зубами, когда он проходил мимо помощника. И в первый раз он завизжал; этот визг был вызван не страхом и не болью, а оскорблением и желанием продолжать битву, но это желание он пытался обуздать по приказанию шкипера.

Шкипер вылез на палубу, взял его на руки и стал ласкать, успокаивать, отчитывая в то же время помощника.

– Стыдись, Боркман! Пристрелить тебя следует или баш ку за это снести. Щенок, маленький щенок, только что отнятый от груди! Я бы за два цента задал тебе трепку. И придет же в голову! Щенок, маленький щенок-сосунок! Хорошо, что хоть руки разодрал. Поделом. Надеюсь, получишь заражение крови. А затем – ты пьян. Ступай вниз и носа не показывай на палубу, пока не отоспишься. Понял?

А Джерри, совершив далекое путешествие в веках, пытался восторжествовать над тинистой бездной доисторических времен, опираясь на любовь, которая лишь значительно позднее вошла в его жизнь и стала ее основой. Древний гнев утихал, в голосе слышались лишь слабые отзвуки его – отдаленные раскаты пронесшейся грозы, – и Джерри, охваченный теплой волной чувства, познал величие и справедливость своего шкипера. Шкипер поис-

тине был богом: он действовал справедливо, он защищал, он властвовал над тем другим – меньшим богом, который бежал от его гнева.

Глава IX

Джерри и шкипер вместе несли долгую послеполуденную вахту, и последний то и дело усмехался и восклицал: «Черт бы меня побрал, Джерри! Уж можешь мне поверить, ты славный пес и знатный боец!» Или: «Ты молодчина! У тебя настоящее львиное сердце! Бьюсь об заклад, что еще не было такого льва, который сумел бы отнять у тебя добычу».

И Джерри, не понимая ни единого слова, за исключением своего собственного имени, знал тем не менее, что звуки, издаваемые шкипером, несут похвалу и согреты любовью. А когда шкипер наклонялся, трепал его за уши, протягивал пальцы для поцелуя или брал его на руки, Джерри преисполнялся блаженством. Ибо разве сможет выпасть на долю какого-либо существа больший экстаз, чем быть любимым богом? Именно такой экстаз переживал Джерри. Шкипер был богом осязаемым, реальным богом трех измерений, который расхаживал босиком, в набедренной повязке, управлял своим миром и любил его, Джерри, нашептывал ему что-то ласкающее и, простирая к нему руки, прижимал к себе.

В четыре часа пополудни Ван Хорн, определив на глаз положение солнца и измерив скорость «Эренджи», приближавшегося к Суу, спустился вниз и грубо растолкал помощника. До их возвращения Джерри один оставался на палубе. И только благодаря тому, что белые боги пребывали внизу и в любой момент могли появиться, Джерри удерживал за собой палубу: по мере приближения к Малаите у возвращавшихся негров поднималось настроение, и, предвкушая независимость, Леруми бросал на Джерри мстительные взгляды и, глотая слюну, оценивал его с точки зрения съедобности.

Подгоняемый свежим бризом, «Эренджи» быстро несся к земле. Джерри глядел сквозь колючую проволоку, втягивая носом воздух, шкипер стоял рядом, отдавая распоряжения помощнику и рулевому. На палубе развязали груды ящиков, и чернокожие то и дело открывали и закрывали их. Особое удовольствие доставлял им звон колокольчика, которым был снабжен каждый ящик; этот колокольчик звонил всякий раз, когда поднимали крышку. Они, как дети, наслаждались игрушечным механизмом и, то и дело подходя к своему собственному ящику, открывали его и прислушивались к звону.

В Суу высаживались пятнадцать негров. Дико жестикулируя и крича, они узнавали и указывали на мельчайшие детали берега – того единственного клочка земли, какой они знали раньше, три года назад, пока отцы, дяди и вожди не продали их в рабство.

Узкая полоса воды, шириной едва в сто ярдов, служила входом в длинную и узкую бухту. Густая тропическая растительность покрывала берег. Нигде не видно было ни жилья, ни следов человека, но Ван Хорн, пристально вглядывавшийся в густые джунгли, прекрасно знал, что десятки, а быть может, и сотни пар человеческих глаз смотрят на него.

– Принюхивайся к ним, Джерри, принюхивайся, – подбадривал он. А у Джерри шерсть взъерошилась, и он залаял на мангиферовую¹⁹ стену, так как действительно распознал своим острым обонянием запах притаившихся негров.

– Будь у меня такой нюх, как у него, – сказал капитан помощнику, – я бы не рисковал потерять голову.

Но Боркман ничего не отвечал и угрюмо делал свое дело. Ветра почти не было. «Эренджи» медленно вошел в бухту и бросил якорь на глубине ста восьмидесяти футов. Дно гавани

¹⁹ Мангиферы, или мангустан, – род тропических вечнозеленых деревьев с цельными кожистыми листьями и очень вкусными плодами.

так круто опускалось начиная от самого берега, что даже на такой большой глубине корма «Эренджи» находилась на расстоянии какой-нибудь сотни футов от мангифер.

Ван Хорн по-прежнему тревожно всматривался в берег, поросший лесом. Суу пользовалось дурной славой. Пятнадцать лет назад шхуна «Фэйр-Хатавей», вербовавшая рабочих для плантаций Квинсленда, была захвачена туземцами, а вся команда перебита; с тех пор ни одно судно, за исключением «Эренджи», не осмеливалось заходить в Суу. И большинство белых осуждало безрассудную отвагу Ван Хорна.

Высоко в горах, вздымающихся на тысячи футов к облакам, гонимый пассатным ветром, клубился дым сигнальных костров, возвещавший о прибытии судна. И вдали и вблизи было известно о появлении «Эренджи»; и все же из джунглей, так близко подступавших к судну, доносились лишь пронзительные крики попугаев да болтовня какаду.

К борту подтянули вельбот, снаряженный шестью матросами, и спустили в него пятнадцать парней из Суу с их сундуками. Вдоль скамей для гребцов лежали под рукой пять ли-энфильдских ружей. На палубе «Эренджи» один из матросов судовой команды с ружьем в руке охранял оставшееся на борту оружие. Боркман принес снизу свое собственное ружье и держался наготове. Ружье Ван Хорна лежало возле него в лодке, а сам он стоял близ Тамби, управлявшего длинным галерным веслом. Джерри тихонько скулил, перевесившись через перила, пока шкипер не сжалился и не спустил его за собой в вельбот.

Опасным местом была лодка, ибо мало вероятным казалось, чтобы в настоящий момент взбунтовались рабочие, оставшиеся на борту «Эренджи». Они были родом из Сомо, Ноола, Ланга-Ланга и далекого Малу, и теперь их обуял страх: лишись они защиты своих белых господ, им грозило быть съеденными народом Суу; того же могли опасаться со стороны народа Сомо, Ланга-Ланга и Ноола и чернокожие из Суу. Опасность, грозившая вельботу, усиливалась неимением второй, защитной шлюпки. Более крупные суда, вербовавшие рабочих, неизменно посылали на берег две лодки. Пока одна приставала к берегу, вторая останавливалась на некотором расстоянии, чтобы в случае тревоги прикрыть отступление. «Эренджи» был слишком мал и даже одну лодку не мог нести на палубе, а тащить на буксире две было неудобно; и Ван Хорн, самый отважный из всех вербовщиков, был лишен этой существенной защиты.

Тамби, повинувшись тихой команде Ван Хорна, вел лодку вдоль берега. Там, где исчезали мангиферы и показалась сбегавшая к воде тропа, Ван Хорн приказал гребцам дать задний ход и остановиться... В этом месте высокие пальмы и величественные ветвистые деревья вздымались над джунглями, а тропинка походила на тоннель, пробитый в плотной зеленой стене тропической растительности.

Ван Хорн, ища на берегу каких-либо признаков жизни, закурил сигару и, приложив руку к поясу своей набедренной повязки, убедился, что динамитный патрон находится на своем месте, между поясом и голым телом. Сигара была зажжена для того, чтобы при необходимости было чем разжечь динамитную трубку. Один конец трубки был расщеплен и приспособлен для головки спички, а трубка была так мала, что взрывалась через три секунды после прикосновения к ней горячей сигары. Таким образом, если бы понадобилось пустить в ход динамит, Ван Хорн должен был действовать быстро и хладнокровно. В течение трех секунд нужно было бросить патрон в намеченную цель. Однако он не предполагал использовать динамит и только из предосторожности держал его наготове.

Прошло пять минут, а молчание, царившее на берегу, не нарушалось. Джерри понюхал босые ноги шкипера, как будто заверяя его, что он здесь, рядом, и тут и останется, чем бы ни угрожало враждебное молчание земли; затем он поставил передние лапы на шкафут и, ошетилившись, стал сопеть, втягивая воздух, и тихонько ворчать.

— Что и говорить, они тут, — сказал ему шкипер; а Джерри, искоса взглянув на него улыбающимися глазами, вильнул хвостом, любовно откинул назад уши и, снова повернув

морду к берегу, принялся читать повесть джунглей, которая доносилась к нему на легких крыльях душного, замирающего ветерка.

– Эй! – внезапно крикнул Ван Хорн. – Эй вы, ребята! Высуньте-ка головы!

И сразу все изменилось: необитаемые, по-видимому, джунгли наполнились жизнью. В одну секунду появилась сотня дикарей. Они выступили отовсюду из зарослей. Все были вооружены: одни – снайдеровскими ружьями и старинными седельными пистолетами, другие – луками и стрелами, длинными метательными копьями, военными дубинками и томагавками с длинной рукояткой. Один из дикарей выпрыгнул на открытое место, где тропинка сливалась с водой. Если не считать украшений, он был наг, как Адам до грехопадения. В глянцеvitых черных волосах торчало белое перо. Полированная игла из белой окаменелой раковины с заостренными концами проходила сквозь ноздри и тянулась на пять дюймов поперек лица. Вокруг шеи, на шнурке, скрученном из волокон кокоса, висело ожерелье из бивней вепря цвета слоновой кости. Повязка из белых раковин охватывала одну ногу под самым коленом. Пламенно-красный цветок был кокетливо засунут за ухо, а в дырке другого уха красовался свиной хвост, очевидно, недавно отрубленный, так как еще кровоточил.

Выпрыгнув на солнечный свет, этот меланезийский денди²⁰, держа у бедра снайдеровское ружье, прицелился, направив дуло прямехонько на Ван Хорна. Так же быстро действовал и Ван Хорн. Он моментально схватил свое ружье, прислонил к бедру и прицелился. Так стояли они друг против друга, держа палец на спуске, разделенные сорока футами. Миллион лет, отделявший варварство от цивилизации, зиял между ними в этом узком пространстве в сорок футов. Современному, развитому человеку труднее всего позабыть древнюю тренировку. И насколько ему легче скользнуть назад – в прошлые века! Наглая ложь, удар в лицо, укол ревности в сердце могут в одну секунду превратить философа двадцатого века в обезьяноподобного жителя лесов, бьющего себя в грудь, скрежещущего зубами и жаждущего крови.

То же ощущал и Ван Хорн, но с некоторой разницей. Он подчинил себе время. Он весь был и в современности и в первобытных веках – одновременно; он способен был пустить в ход зубы и когти, но желал оставаться современным до тех пор, пока ему удавалось подчинять своей воле этого дикаря с черной кожей и ослепительно-белыми украшениями.

Долгие десять секунд протекли в молчании. Даже Джерри, сам не зная почему, приглушил свое ворчание. Сотня каннибалов – охотников за головами, – окаймлявших стену джунглей, пятнадцать возвращавшихся в Суу чернокожих, сидевших в лодке, семь чернокожих матросов и одинокий белый человек с сигарой в зубах, ружьем у бедра и ошетилившимся ирландским терьером, жмущимся к его голой икре, поддерживали торжественное молчание этих секунд, и ни один из них не знал и не предугадывал, чем кончится дело.

Один из возвращавшихся чернокожих в знак мира вытянул вперед открытую безоружную ладонь и начал что-то чирикать на непонятном диалекте Суу. Ван Хорн держал ружье наготове и ждал. Денди опустил свое ружье, и все участники этой сцены вздохнули свободнее.

– Мой – добрый парень, – пискнул денди не то по-птичьи, не то по-детски.

– Ты, парень, – большой дурак, – грубо возразил Ван Хорн, бросая ружье, и, приказав рулевому и гребцам повернуть лодку, небрежно затянулся сигарой, словно жизнь его не висела на волоске всего секунду назад.

– Мой говорит, – продолжал он, прикидываясь рассерженным. – Какого черта твой наставил на меня ружье? Мой не хотел тебя кай-кай (съесть). Мой, когда рассердится, будет тебя кай-кай. И твой, когда рассердится, будет меня кай-кай. А твой не хочет, чтобы парней из Суу кай-кай? Очень давно, три муссона тому назад, мой сказал правду. Мой сказал: пройдут

²⁰ Денди – изящный светский человек.

три муссона, и парни из Суу придут назад. Мой говорит: три муссона кончились, и парни из Суу пришли назад.

Тем временем лодка сделала поворот, и Ван Хорн повернулся, чтобы стать лицом к вооруженному снайдеровским ружьем денди. По знаку Ван Хорна гребцы дали задний ход, и лодка кормой пристала к берегу у тропинки. И каждый гребец, держа весло наготове на случай нападения, потихоньку ощупал свое ли-энфильдское ружье, спрятанное под брезентом.

– С тобой пришли хорошие парни? – осведомился у денди Ван Хорн.

Тот отвечал утвердительно: по обычаю Соломоновых островов, он полужакрыл глаза и чванливо вскинул вверх голову.

– Парни Суу, что пришли с тобой, не будут кай-кай?

– Нет, – ответил денди. – Парни Суу – хороший. А придут парни не из Суу, мой говорит: будет беда. Ишикола, большой черный господин на этих местах, говорил моему: пойд и скажи – тут по джунглям ходят дурные парни. Большой белый господин, не надо ходить тут. Ишикола говорил: хороший белый господин, надо остаться на своя корабль.

Ван Хорн небрежно кивнул головой, словно это сообщение большой цены для него не имело; в действительности же он понял, что на этот раз Суу не доставит ему новых рекрутов. Он приказал чернокожим рабочим отправляться на берег поодиночке. Остальные должны были оставаться на своих местах. Такова была тактика на Соломоновых островах. Скопление людей могло повлечь за собой опасность. Нельзя было разрешать чернокожим собираться группами. И Ван Хорн, с равнодушным и величественным видом покуривая сигару, не спускал глаз с негров, которые поодиночке пробирались на корму, со своим сундучком на плече, и сходили на берег. Один за другим они скрылись в зеленом тоннеле, и, когда последний сошел на берег, Ван Хорн приказал гребцам возвращаться к судну.

– На этот раз здесь нечего делать, – сказал он помощнику. – Утром мы снимемся с якоря.

Тропические сумерки быстро сменились тьмой. На небе высыпали звезды. Ни малейшего дыхания ветерка не пробежало над водой, и от сыроватого зноя тела и лица обоих мужчин покрылись каплями пота. Они лениво поужинали на палубе, то и дело стирая рукой едкий пот со лба.

– И зачем только человек тащится на Соломоновы острова, в эту проклятую дыру! – пожаловался помощник.

– И остается здесь, – отозвался капитан.

– Слишком уж я прогнил от лихорадки, – проворчал Боркман. – Я бы умер, если бы уехал отсюда. Помнишь, два года назад я пытался это сделать. Но как попадешь в холодный климат, так лихорадка и выступает наружу. В Сидней меня привезли совсем больным. Пришлось отправить в карете в госпиталь. Мне становилось все хуже и хуже. Доктора мне сказали, что единственное средство – вернуться назад, туда, где я захватил лихорадку. Если я это сделаю, могу прожить долго. Если же останусь в Сиднее, конец не заставит себя ждать. Положили меня в карету и отправили на борт. Вот и все, что я видел в Австралии за мои каникулы. Я не хочу оставаться на Соломоновых островах. Здесь сущий ад. Но выбор таков: или оставайся, или подыхай.

Он отсыпал на глаз тридцать гран хинина, завернул в папиросную бумагу, секунду угрюмо смотрел на комочек, затем проглотил его. Глядя на него, и Ван Хорн потянулся за пузырьком и принял такую же дозу.

– Не мешает натянуть брезент, – заметил он.

Под руководством Боркмана несколько человек из команды занавесили тонким брезентом обращенную к берегу сторону «Эренджи». Это была мера предосторожности против шальной пули, так как всего сотня футов отделяла судно от прибрежных мангиферовых зарослей.

Ван Хорн послал Тамби вниз за маленьким фонографом и поставил с дюжину поцарапанных, визжавших пластинок, уже тысячу раз бывших в употреблении. Слушая музыку, Ван Хорн вспомнил о дикарке и приказал вытащить ее из темной норы в лазарете, чтобы и она послушала фонограф. Девушка в страхе повиновалась, полагая, что час ее пробил. Расширенными от ужаса глазами она смотрела на большого белого господина и долго дрожала всем телом, уже после того как он велел ей лечь. Фонограф никакого впечатления на нее не произвел. Она знала только страх – страх перед этим ужасным белым господином, которому, по ее глубокому убеждению, она была обречена на съедение.

Джерри покинул гладившую руку шкипера, чтобы подойти к девушке и обнюхать ее. Долг побудил его еще раз ее опознать. Что бы ни случилось, сколько месяцев или лет ни протекло бы впредь – он всегда сможет ее узнать. Затем он вернулся к шкиперу, и тот снова стал гладить его одной рукой, держа в другой дымящуюся сигару.

Влажный, удушливый зной становился невыносимым. Воздух был наполнен тошнотворными сырыми испарениями, вздымавшимися над мангиферовыми болотами. Дребезжащая музыка напомнила Боркману далекие порты и города, и, лежа плашмя на горячей палубе, он отбивал босой ногой зорю и вел тихий монолог, сплошь состоящий из ругательств. А Ван Хорн, поглаживая тяжело дышавшего Джерри, безмятежно и философски курил, зажигая свежую сигару всякий раз, как кончалась старая.

Внезапно он встрепнулся, услышав слабый плеск весел. Собственно говоря, настояжиться заставило тихое ворчание ошетилившегося Джерри. Вытащив из складки набедренной повязки динамитный патрон и убедившись, что сигара не потухла, он быстро, но не суетясь, поднялся на ноги и подошел к перилам.

– Как тебя звать? – крикнул он в темноту.

– Моя звать Ишикола, – раздался в ответ дрожащий, старческий фальцет.

Раньше чем снова заговорить, Ван Хорн наполовину вытащил из кобуры свой автоматический пистолет и передвинул кобуру с бедра, чтобы она приходилась у него под рукой.

– Сколько парней с тобой идет? – спросил он.

– Мой идет всего десять парень, – ответил старческий голос.

– Подходите к борту. – Не поворачивая головы, бессознательно опустив правую руку на пистолет, Ван Хорн скомандовал: – Эй, Тамби! Тащи фонарь. Не сюда, а на корму, к бизани, и гляди в оба.

Тамби повиновался и отнес фонарь на двадцать футов от того места, где стоял капитан. Это давало Ван Хорну преимущество перед приближавшимися в пироге людьми: фонарь, спущенный через колючую проволоку за перила, ярко освещал подплывшую лодку, тогда как сам Ван Хорн оставался в полумраке.

– Гребь, гребь! – побуждал он, так как люди в невидимой пироге все еще медлили.

Раздался плеск весел, и на пространство, освещенное фонарем, вынырнул высокий черный нос пироги, изогнутый, как гондола, и инкрустированный перламутром; затем показалась и вся пирога; чернокожие, стоя на коленях на дне лодки, гребли, их глаза блестели, черные тела лоснились. Ишикола, старый вождь, сидел посредине и не греб; беззубыми деснами он сжимал незажженную короткую глиняную трубку. А на корме стоял обнаженный чернокожий денди; все украшения его были ослепительно белы, за исключением свиного хвостика в одном ухе и ярко-красного цветка, пламенившего над другим ухом.

Бывали случаи, когда человек десять чернокожих нападали на судно вербовщика, если оно управлялось не более чем двумя белыми, и потому рука Ван Хорна легла на спуск автоматического пистолета, хотя он и не вытащил его из кобуры. Левой рукой он поднес ко рту сигару и сильно затянулся.

– Здорово, Ишикола, старый негодяй! – приветствовал Ван Хорн старого вождя, когда денди, подсунув свое весло под дно пироги и действуя им, как рычагом, подвел его к «Эренджи», так что оба судна стояли бок о бок.

Ишикола, освещенный фонарем, поднял голову и улыбнулся. Он улыбался правым глазом – единственным, оставшимся у него: левый был пронзен стрелой когда-то в одной из юношеских стычек в джунглях.

– Мой говорит! – крикнул он в ответ. – Твой долго не видели мои глаза.

Ван Хорн на жаргоне стал подшучивать над ним, расспрашивая о новых женах, которыми тот наполнил свой гарем, и о том, сколько свиней он за них заплатил.

– Я говорю, – заключил он, – слишком уж ты богатый парень.

– Мой хотел прийти к твоему на борт, – смиренно намекнул Ишикола.

– А я говорю – ночью нельзя, – возразил капитан: всем известное правило гласило, что с наступлением ночи посетители на борт не допускаются. Затем, подумав, он сделал уступку: – Ты иди на борт, а парни останутся в лодке.

Ван Хорн галантно помог старику вскарабкаться на перила, перешагнуть через колючую проволоку и спуститься на палубу. Ишикола был грязный старый дикарь. Одно из его тамбо («тамбо» у меланезийцев и на морском жаргоне означает «табу») гласило, чтобы вода никогда не прикасалась к его коже. Он, живший у берегов океана, в стране тропических ливней, добросовестно избегал соприкосновения с водой. Он никогда не купался, не переходил вброд, а от ливня всегда бежал под прикрытие. Но остального его племени это не касалось. Таково было своеобразное тамбо, наложенное на него «дьявольскими лекарями». На других членов племени лекари налагали иные табу: им запрещалось есть акулу, трогать черепаху, прикасаться к крокодилам или ископаемым останкам крокодилов, либо всю жизнь избегать оскверняющего прикосновения женщины и женской тени, упавшей на тропу.

Итак, Ишиколу, для которого вода была табу, покрывала кора многолетней грязи. Шелудивый, словно больной проказой, с худым лицом, весь морщинистый, он сильно хромал от полученного некогда удара копьем в бедро. Но его единственный глаз блестел ярко и злобно, и Ван Хорн знал, что этим одним глазом Ишикола видит не хуже, чем сам он – своими двумя.

Ван Хорн поздоровался с ним за руку – эту честь он оказывал только вождям – и знаком предложил присесть на корточки на палубе, неподалеку от пораженной ужасом девушки, которая снова начала дрожать: ей вспомнилось, как Ишикола предложил однажды десять десятков кокосовых орехов за обед, приготовленный из ее мяса.

Джерри во что бы то ни стало должен был обнюхать этого противного, хромого, голого, одноглазого старика, чтобы в будущем его распознать. А обнюхав его и запомнив своеобразный запах, Джерри почувствовал потребность угрожающе зарычать, чем заслужил одобрительный взгляд шкипера.

– Мой говорит, хорошо будет кай-кай эта собака, – сказал Ишикола. – Мой дает три фут раковин и берет собака.

Это предложение было щедрым, так как три фута раковин, нанизанных на шнурок из скрученных волокон кокоса, равнялись полусоверену в английской валюте, двум с половиной долларам в американской или, переведя на ходячую монету – живых свиней, – половине крупной жирной свиньи.

– Эта собака стоит семь футов раковин, – возразил Ван Хорн, в глубине души прекрасно зная, что не продаст Джерри и за сотню футов раковин или за любую баснословную цену, даваемую чернокожими. Такую маленькую сумму он назначил для того, чтобы чернокожие не заподозрили, как высоко оценивает он в действительности златошёрстного сына Бидди и Терренса. Затем Ишикола заявил, что девушка сильно исхудала, и он, как знаток мяса, не может предложить за нее на этот раз больше, чем три раза по двадцать связок кокосов.

Обменявшись этими любезностями, белый господин и чернокожий повели разговор; первый чванился превосходством разума и знаний белого человека, а второй чутьем угадывал недоговоренное. Ишикола был примитивным государственным мужем и теперь пытался уяснить себе равновесие человеческих и политических сил, давивших на его территорию Суу в десять квадратных миль. Эта территория была ограничена морем и линиями фронта междуплеменной войны, которая была древнее самого древнего мифа Суу. То одно, то другое племя побеждало, захватывало головы и поедало тела. Границы оставались неизменными. Ишикола на грубом морском жаргоне старался узнать об общем положении Соломоновых островов по отношению к Суу, а Ван Хорн не прочь был вести нечистую дипломатическую игру, какая ведется во всех министерствах великих держав.

– Я говорю, – заключил Ван Хорн, – в этих местах слишком много у вас злых парней. Берете вы слишком много голов; слишком много кай-кай длинных свиней («длинные свиньи» означали зажаренное человеческое мясо).

– Мой говорит, черные парни Суу всегда брать головы и кай-кай длинные свиньи, – возразил Ишикола.

– Слишком много в этих местах злых парней, – повторил Ван Хорн. – Тут, поблизости, стоит большой военный корабль; скоро он подойдет сюда и выколочит семь склянок из Суу.

– Как звать большой военный корабль у Соломоновых? – спросил Ишикола.

– Большой корабль «Кэмбриен» – вот как звать корабль, – солгал Ван Хорн, слишком хорошо зная, что за последние два года ни один британский крейсер не заходил на Соломоновы острова.

Разговор, принимавший характер шутовской декларации об отношениях, какие установятся между государствами, столь отличающимися по величине, был прерван криком Тамби. Чернокожий спустил за борт другой фонарь и сделал неожиданное открытие.

– Шкипер, у него в лодке ружья! – крикнул он.

Ван Хорн одним прыжком очутился у перил и свесился вниз через колючую проволоку. Ишикола, несмотря на свое искалеченное тело, отстал от него всего на несколько секунд.

– Какого черта на дне лодки лежат ружья? – негодуя спросил Ван Хорн.

Денди, сидевший на корме, постарался подпихнуть ногой зеленые листья так, чтобы они прикрыли выступавшие приклады нескольких ружей, но только испортил все дело. Он наклонился, чтобы рукой сгрести листья, но тотчас же выпрямился, когда Ван Хорн заревел на него сверху:

– Смирно сидеть! Руки прочь, парень!

Повернувшись к Ишиколе, Ван Хорн симулировал гнев, которого в действительности не чувствовал, так как уловка была старая и периодически повторялась.

– Какого черта ты едешь на корабль, а ружья лежат у тебя в лодке? – грозно спросил он.

Старый океанский вождь закатил свой единственный глаз и моргнул с видом глупым и невинным.

– Я на тебя сердит, много сердит, – продолжал Ван Хорн, – Ишикола, ты – дрянной парень. Убирайся к черту за борт!

Старик запрыгал к перилам проворнее, чем можно было от него ожидать, без посторонней помощи перешагнул через колючую проволоку и прыгнул в пирогу, искусно удержавшись на здоровой ноге. Затем поднял голову и моргнул, моля о прощении и заверяя в своей невинности. Ван Хорн отвернулся, чтобы скрыть улыбку, а потом открыто ухмыльнулся, когда старый плут, показывая свою пустую трубку, вкрадчиво попросил:

– Может, твой даст моему пять пачка табаку?

Пока Боркман ходил вниз за табаком, Ван Хорн проповедовал Ишиколе о святости чести и обещаний, затем перегнулся через колючую проволоку и вручил ему пять пачек табаку.

– Я говорю, – пригрозил он, – когда-нибудь, Ишикола, я тебя совсем прикончу. Ты – не хороший друг у берегов соленой воды. Ты большой дурак и убирайся в джунгли.

Когда Ишикола попробовал протестовать, Ван Хорн резко оборвал его:

– Я говорю, слишком много ты со мной болтаешь.

Все-таки пирога медлила. Денди украдкой старался нащупать ногой приклады ружей под зелеными листьями, а Ишикола не имел ни малейшего желания уезжать.

– Греби! Греби! – неожиданно крикнул Ван Хорн.

Гребцы, не дожидаясь команды вождя или денди, невольно повиновались и глубокими сильными ударами весел вывели пирогу из освещенного круга. С такой же быстротой Ван Хорн переменил свое место на палубе, отпрыгнув ярдов на двенадцать, чтобы случайная пуля его не настигла. Затем он присел на корточки, прислушиваясь к плеску весел, замиравшему вдали.

– Тамби, – спокойно приказал он. – Пусти нам музыку. И пока с дребезжащей пластинки срывалась красивая мелодия «Красное крыло», он курил сигару, опираясь локтем о перила и обнимая Джерри. Куря, он следил, как звезды затуманивались дождем, надвигавшимся с подветренной стороны. Собираясь приказать Тамби отнести вниз фонограф и пластинки, он заметил дикарку, в немом страхе глядевшую на него. Он ей кивнул в знак согласия, полузакрыв глаза и вскинув голову, а рукой указал на рубку. Она повиновалась, как повинуетесь побитая собака, и поднялась на ноги, дрожа и в ужасе озираясь на большого белого господина, который, как она была убеждена, в один прекрасный день съест ее. И эта невозможность объяснить ей через пропасть веков свои добрые намерения кольнула Ван Хорна. Она скользнула в рубку и сползла по трапу вперед ногами, словно какой-то огромный, большеголовый червь.

Послав вслед за ней вниз Тамби с драгоценным фонографом, Ван Хорн продолжал курить, а острые, как иглы, брызги дождя освежали его разгоряченное тело.

Через пять минут дождь прекратился. Небо опять покрылось звездами; зловонный запах поднялся с мангиферовых болот, а удушливый зной снова усилился. Ван Хорн никогда ничем не болел, если не считать лихорадки, и сейчас он даже не потрудился пойти за одеялом.

– Твоя вахта – первая, – сказал он Боркману. – Поутру я выведу судно из бухты.

Он положил голову на бицепс правой руки, левой рукой прижал к груди Джерри и погрузился в сон.

Так, рискуя жизнью, белые и местные чернокожие влачили день за днем на Соломоновых островах, занимаясь торговлей и стычками; белые старались сохранить головы на своих плечах, а чернокожие так же единодушно старались завладеть головами белых и одновременно сохранить свои собственные.

А Джерри, знакомый только с миром лагуны Мериндж, узнал, что эти новые миры – судно «Эренджи» и остров Малаита – по существу не отличаются от первого, и с проблеском понимания взирал на вечную игру между белыми и черными.

Глава X

На рассвете «Эренджи» снялся с якоря. Паруса тяжело повисли в мертвом воздухе, и судовая команда, спустившись в вельбот, налегла на весла и на буксире тянула судно через узкий проход. Один раз, когда кеч, подхваченный случайным течением, приблизился к берегу, чернокожие, оставшиеся на берегу, сбились в кучу, как испуганные овцы в загоне, слышавшие вой мародера диких лесов. И не нужно было Ван Хорну кричать гребцам в вельботе: «Греби, греби, черти!» Судовая команда, поднимаясь со скамей, всем весом налегала на весла. Они знали, какая страшная судьба грозит им, если нос «Эренджи» врежется

в омываемый морем коралловый риф. И они испытывали тот же страх, как и запуганная девушка внизу, в лазарете. В прошлом немало парней из Ланга-Ланга и Сомо попало на пиршественный стол в Суу, точно так же как парни из Суу поставляли лакомые блюда в Ланга-Ланга и Сомо.

– Мой говорит, – обратился стоявший у руля Тамби к Ван Хорну, когда общее напряжение спало и «Эренджи» выплыл в открытое море, – брат моего отца давно-давно пришел на это место на судне. На большая шхуна пришел брат моего отца. Все остались на этом месте в Суу. Брат моего отца парни Суу кай-кай.

Ван Хорн вспомнил, как пятнадцать лет назад судно «Фэйр-Хатавей» было ограблено и сожжено народом Суу, а весь экипаж перебит. Действительно, Соломоновы острова в начале двадцатого века были дикими островами, а самым диким был большой остров Малаита.

Шкипер испытующе окинул взглядом покрытые лесом склоны горы Колорат, служившей указанием для мореходов; ее окутанная облаками вершина вздымалась в небо на четыре тысячи футов. Столбы дыма взвивались вверх над ее склонами и с вершин более низких гор.

– Мой говорит, – усмехнулся Тамби. – Много парни сидит в кусты и смотрит на судно.

Ван Хорн улыбнулся с понимающим видом. Он знал этот древний способ телеграфирования сигналами дыма; сейчас из деревни в деревню и от племени к племени давали сигнал: с подветренной стороны идет судно, вербующее рабочих.

Все утро под косым ветерком, начавшимся с восходом солнца, «Эренджи» летел к северу, а учащавшиеся столбы дыма, вьющиеся над зелеными вершинами, возвещали об его курсе. В полдень Ван Хорн со своим вечным спутником Джерри стоял на носу и следил за ходом кеча, а «Эренджи» шел против ветра в пролив между двумя островками, поросшими группами пальм. Нужно было зорко следить за курсом. Из бирюзовых глубин повсюду вздымались коралловые рифы, являвшие гамму зеленых тонов от темного нефрита до бледного турмалина, а море, набегая на них, меняло оттенки цветов, лениво пенилось или вздымалось фонтаном искрящихся на солнце брызг.

Столбы дыма по вершинам завели оживленную болтовню, и задолго до того, как «Эренджи» прошел через пролив, весь подветренный берег, от приморских жителей до отдаленнейших лесных деревень, знал, что судно-вербовщик направляется к Ланга-Ланга. Когда открылась лагуна, образованная цепью прибрежных островков, Джерри почуял запах деревьев. По гладкой поверхности лагуны двигалось множество пироги; одни приводились в движение веслами, другие подгонялись свежим юго-восточным пассатом, надувавшим паруса из листьев кокосовых пальм. На пироги, слишком близко подходившие, Джерри грозно лаял, оцетинив шерсть, и изображал яростного защитника белого господина, стоявшего рядом с ним. И после каждой такой демонстрации он мягко тыкался холодной, влажной мордой в обожженную солнцем ногу шкипера.

Войдя в лагуну, «Эренджи» понесся под косым ветром. Сделав полмили, он повернулся; передние паруса были спущены, захлопали грот и бизань, и якорь был брошен на глубину пятидесяти футов. Вода была так прозрачна, что можно было разглядеть на коралловом дне огромные извилистые двустворчатые раковины. Возвращавшихся в Ланга-Ланга рабочих не нужно было отвозить на берег в вельботе. Сотни пироги ждали по обе стороны «Эренджи», и каждого парня, с его сундучком и колокольчиком, вызывали десятки родственников и друзей.

Из-за царившего возбуждения Ван Хорн никого не пускал на борт. Меланезийцы, в отличие от животных, в атаку переходят так же быстро, как и в отступление. Два матроса стояли у ли-энфильдских ружей, сложенных на люке. Боркман следил, как одна половина команды занималась уборкой судна. Ван Хорн с Джерри, следовавшим за ним по пятам, руководил отплытием возвращавшихся в Ланга-Ланга чернокожих и зорко наблюдал за второй половиной судовой команды, охранявшей проволочное ограждение. А парни из Сомо

расселись на своих сундучках, чтобы чернокожие из Ланга-Ланга не сбросили их в поджидавшие пироги.

Через полчаса шумная толпа отплыла на берег. Замешкалось только несколько пирог, и с одной из них Ван Хорн поманил на борт Нау-Хау, сильнейшего вождя из укрепленного поселка Ланга-Ланга. Большинство великих вождей племени были стариками, но Нау-Хау был молод и, в отличие от большинства меланезийцев, даже красив.

– Здорово, царь Вавилонский! – поздоровался Ван Хорн, давший ему это прозвище за воображаемое сходство с семитами и грубую силу, наложившую отпечаток на его лицо и сказывавшуюся в походке.

С детства приученный к наготы, Нау-Хау шествовал по палубе смело и не стыдась. Все его одевание состояло из затянутого вокруг талии ремня от чемодана. Между этим ремнем и голым телом был заткнут клинок поломанного ножа, дюймов в десять длины. Единственным его украшением являлась белая фарфоровая суповая тарелка. Она была просверлена, надета на шнурок из кокосовых волокон и свешивалась с шеи, покоясь на его груди и наполовину прикрывая сильные мускулы. Это было величайшее сокровище. Ни один человек на Малаите не имел целой суповой тарелки.

Но суповая тарелка не вызывала смеха, как не казалась смешной и его нагота. Он был знатного рода. До него вождем был его отец, а сам он превзошел отца. Жизнь и смерть держал он в своих руках. Часто пользовался он этой властью, чирикавая своим подданным на языке Ланга-Ланга: «Убей здесь» и «Убей там», «Ты умрешь» и «Ты будешь жить». Когда его отец, за год до того сложивший с себя сан, вздумал безрассудно вмешаться в государственные дела своего сына, тот призвал двух молодцов и повелел стянуть петлю из кокосовых волокон на шее отца, дабы отныне тот не дышал. Когда его любимая жена, мать первенца, осмелилась по глупости нарушить одно из его царственных табу, он приказал ее убить и самолично и добросовестно съел всю, вплоть до мозга из переломанных костей, не подарив ни кусочка своим ближайшим друзьям.

Царственным он был и по рождению, и по воспитанию, и по делам своим. И в походке его сквозило сознание своего царственного достоинства. Он выглядел царственным, как может выглядеть царственным великолепный жеребец или лев, нарисованный на фоне пустыни. Его торс, грудь, плечи, голова были великолепны. Великолепен был и ленивый, надменный взгляд из-под тяжелых век.

В эту минуту на борту «Эренджи» царственной была храбрость Нау-Хау, хотя он знал, что ступает по динамиту. Давно уже он на горьком опыте узнал, что белый человек – тот же динамит и подобен таинственному, смертоносному метательному снаряду, каким белые иногда пользуются. Еще будучи подростком, он участвовал в нападении на сандаловый катер, который был даже меньше «Эренджи». Этой тайны он никогда не мог забыть. Двое из трех белых были убиты на его глазах, и на палубе им отрубили головы. Третий, все еще сражаясь, за минуту до того ускользнул вниз. И тогда катер со всем своим богатством – железными кольцами, табаком, ножами и коленкором – взлетел на воздух и снова упал в море, разбитый на мельчайшие куски. То был динамит – *тайна*. А сам Нау-Хау, пролетев по воздуху и каким-то чудом уцелев, понял тогда, что белые люди – тот же динамит и в них та же тайна, как и в веществе, которым они оглушают целые стаи проворных головлей или, в случае необходимости, взрывают самих себя и свои корабли, пришедшие по морю из далеких стран. И все же твердой, тяжелой поступью он шел по этому смертоносному веществу, из которого, как ему было известно, состоял Вал Хорн. И при этом осмеливался надавливать на это вещество, рискуя взрывом.

– Мой говорит, – начал он, – почему твой слишком долго держал мой парень?

То было вполне справедливое обвинение: рабочие, которых только что доставил Ван Хорн, пробыли в отлучке три с половиной года вместо трех.

– Если ты, парень, будешь так разговаривать, я на тебя рассержусь, много-много, – ошетинился в ответ Ван Хорн, а затем дипломатически прибавил, запустив руку в ящик и достав оттуда пригоршню табаку: – Лучше ты покури и заведи разговор о чем-нибудь хорошем.

Но Нау-Хау величественно отстранил дар, несмотря на то что ему очень хотелось его взять.

– Много-много табаку мой есть, – солгал он, а затем спросил: – Как звать парень, – ушел и не вернулся?

Ван Хорн вытащил из складки набедренной повязки длинную и узкую отчетную книгу; и, глядя, как он перелистывает страницы, Нау-Хау ощущал динамитную, высшую власть белого человека, помогающую ему извлекать воспоминания из замаранных листов книги, а не из собственной головы.

– Сати... – начал Ван Хорн, ведя пальцем по записи; глаза его, отрываясь от страницы, зорко следили за чернокожим вождем, стоявшим перед ним. А чернокожий вождь взвешивал, насколько удобен этот момент, чтобы подскочить к белому сзади и одним ударом ножа перерезать ему спинной мозг у основания шеи.

– Сати, – читал Ван Хорн. – Прошлый муссон, как раз в это время, парень Сати болел животом много-много; потом парень Сати совсем нет. – Так перевел Ван Хорн на морской жаргон запись: «Умер от дизентерии 4 июля 1901 года».

– Много работа парень Сати, долгое время, – вел свою линию Нау-Хау. – Что стало его деньги?

Ван Хорн мысленно сделал подсчет.

– Всего он заработал шесть раз по десять фунтов и два фунта золотыми деньгами, – перевел он шестьдесят два фунта жалованья. – Я платил вперед отцу один раз по десять фунтов и пять фунтов. Остается четыре раза по десять фунтов и семь фунтов.

– Что стало четыре раза по десять фунтов и семь фунтов? – спросил Нау-Хау, который лишь произнес, но умом не мог постичь столь чудовищную сумму.

Ван Хорн поднял руку.

– Очень много торопишься, парень Нау-Хау. Парень Сати купил на плантации сундук за два раза по десять фунтов и один фунт. Ему, Сати, осталось два раза по десять фунтов и шесть фунтов.

– Где два раза по десять фунтов и шесть фунтов? – спросил неумолимый Нау-Хау.

– У меня, – кратко ответил капитан.

– Дай два раза по десять фунтов и шесть фунтов.

– Проваливай к черту, – отказал Ван Хорн, и в его голубых глазах чернокожий вождь почувствовал отблеск динамита, из которого сделаны белые люди, и перед ним встало видение того кровавого дня, когда он впервые увидел взрыв динамита и был подброшен на воздух.

– Как звать старого парня в пироге? – спросил Ван Хорн, указывая на пирогу у борта «Эренджи». – Отец Сати?

– Ему отец Сати, – подтвердил Нау-Хау.

Ван Хорн позвал старика на борт, дал знак Боркману, чтобы тот следил за порядком на палубе и за поведением Нау-Хау, и спустился вниз за деньгами. Вернувшись, он, подчеркнуто не обращая внимания на вождя, обратился к старику:

– Как тебя звать?

– Мой – парень Нино, – ответил тот дрожащим голосом. – Парень Сати – мой.

Ван Хорн взглянул на Нау-Хау, ожидая подтверждения. Тот кивнул, по обычаю Соломоновых островов вскинув голову вверх. Тогда Ван Хорн отсчитал в руку отца Сати двадцать шесть золотых соверенов.

Нау-Хау тотчас же протянул руку и взял деньги. Двадцать золотых монет вождь оставил себе, а остальные шесть вернул старику. Ван Хорну до этого не было дела. Свой долг он выполнил и расплатился честно. Тирания вождя над своими подданными его не касалась.

Оба господина – и белый и черный – были собой довольны. Ван Хорн уплатил долг; Нау-Хау, по праву вождя, отнял у старика заработок Сати. Но Нау-Хау не прочь был почвадиться. Он отклонил предложенный в подарок табак, купил у Ван Хорна ящик табаку за пять фунтов и, настояв, чтобы его немедленно вскрыли, набил свою трубку.

– Много хороших парней в Ланга-Ланга? – с невозмутимой вежливостью осведомился Ван Хорн, желая поддержать разговор и подчеркнуть свою беспечность.

Царь Вавилонский усмехнулся, но не удостоил ответом.

– Сойти на берег и прогуляться? – с вызывающим видом продолжал Ван Хорн.

– Может, будет беда, – не менее вызывающе отозвался Нау-Хау. – Много-много дурной парень тебя кай-кай.

От этих слов у Ван Хорна мурашки задорно пробежали по голове, совсем, как у Джерри, когда тот щетинился.

– Эй, Боркман! – крикнул он. – Подтянуть вельбот!

Когда вельбот остановился бок о бок с «Эренджи», Ван Хорн, с сознанием собственного превосходства, спустился первым и затем пригласил Нау-Хау следовать за собой.

– Тебе говорю, царь Вавилонский, – пробормотал он на ухо вождю, когда гребцы взялись за весла, – если какой парень мне повредит, пристрелю тебя. А затем взлетит на воздух Ланга-Ланга. И ты будешь идти подле меня. Не захочешь идти – конец тебе будет.

Одиноким белый человек спустился на берег, сопровождаемый ирландским терьером, чье собачье сердце было переполнено любовью к нему, и злобным черным царьком, благоговевшим перед динамитом белых людей. Ван Хорн, босой, чванливо разгуливал по поселку в три тысячи человек; его белый помощник, тяготевший к водке, наблюдал за порядком на палубе крохотного судна, бросившего якорь у самого берега. А чернокожая команда вельбота с веслами в руках ждала, когда прыгнет на корму тот, кому они не любя служили и чьей головой они охотно завладели бы, не останавливая их страх перед ним.

Ван Хорн и не думал раньше сходить на берег; он сделал это лишь в ответ на вызов чернокожего вождя. Около часу бродил он по поселку, держа правую руку у спуска автоматического пистолета и зорко следя за нехотя, против воли сопровождавшим его Нау-Хау. Вулканический гнев Нау-Хау готов был вспыхнуть при первом удобном случае. И во время этой прогулки Ван Хорну дано было увидеть то, что могли видеть лишь немногие белые, ибо Ланга-Ланга и соседние с ним островки – великолепные бусы, нанизанные вдоль подветренного берега Малаиты – исключительны по своей красоте и совсем не исследованы.

Первоначально эти островки представляли лишь песчаные откосы и коралловые рифы, омываемые морем либо скрытые под водой. Только загнанное, несчастное создание, способное вынести невероятные тяготы, могло влачить на них жалкое существование. Но эти существа, спасшиеся от резни в деревнях, ускользнувшие от гнева и судьбы длинных свиней, предназначенных для кухонного котла, пришли на островки и выжили здесь. Они, знавшие раньше только лесную жизнь, познали соленую воду и приобрели навыки приморских жителей. Они изучили нравы рыб и моллюсков и изобрели крючки и лесы, сети и капканы для рыб и весь сложный аппарат, с помощью которого можно добыть из изменчивого, ненадежного моря плавающее мясо.

Эти выходцы похищали женщин из деревень, лежащих в глубине острова, плодились и размножались. Трудясь, как геркулесы, под палящим солнцем, они завоевали море. Свои коралловые рифы и песчаные отмели они обвели стенами из кораллового камня, украденного темными ночами в дальних поселениях. Не имея ни известки, ни долота, они построили

славные стены, противостоящие напору океана. И как мыши по ночам обкрадывают человеческие жилища, так и они обокрали остров, увезя на миллионах пирог богатый чернозем.

Прошли поколения и века, и вот вместо голых песчаных отмелей, полускрытых водой, возникли обведенные стенами крепости. К морю были проведены спусковые полозья для длинных пирог, а стены защищались со стороны острова лагунами. Кокосовые пальмы, банановые деревья и величественные хлебные деревья давали им пищу и служили защитой от солнца. Их сады процветали. Их длинные, узкие военные пироги опустошали берега и мстили потомкам тех, кто преследовал и стремился пожрать их праотцов.

Подобно выходцам и беглецам, скрывшимся в соленых болотах Адриатики и воздвигшим дворцы мощной Венеции на глубоко вбитых сваях, эти жалкие, загнанные чернокожие упрочивали свою власть, пока не стали господами всего острова и не взяли в свои руки торговлю и торговые пути. Отныне и навсегда они принудили лесных жителей оставаться в лесах и не дерзать приближаться к морю.

И здесь, среди отважных приморских жителей, Ван Хорн шел своей дорогой, рисковал и не верил в возможность близкой смерти. Он знал, что делает это для успеха вербовки рабочих, необходимых другим отважным белым людям на далеких островах.

Через час Ван Хорн переправил Джерри на корму вельбота и сам последовал за ним, оставив на берегу ошеломленного и недоумевающего чернокожего царька. А царек более чем когда-либо проникся уважением к состоящим из динамита белым людям, привозившим ему табак, коленкор, ножи и топоры и неизменно извлекавшим прибыль из этой торговли.

Глава XI

Вернувшись на борт, Ван Хорн приказал немедленно поставить паруса и сняться с якоря. «Эренджи», лавируя, понесся по лагуне, покрывая десять миль, отделявшие от Сомо. По пути Ван Хорн остановился в Бину, чтобы приветствовать вождя Джонни и спустить на берег несколько человек рабочих. Теперь оставалось совершить путешествие до Сомо – последний рейс «Эренджи» и многих, находившихся на его борту.

Прием, оказанный Ван Хорну в Сомо, был полной противоположностью приему в Ланга-Ланга. Как только спустили на берег возвратившихся рабочих – а это было сделано в три тридцать пополудни, – Ван Хорн пригласил на борт вождя Башти. И вождь Башти явился. Несмотря на свой престарелый возраст, это был человек проворный и живой и очень добродушно настроенный – до того добродушно, что он непременно пожелал захватить с собой на борт трех своих пожилых жен. В прошлом этому не бывало примера. Никогда не разрешал он ни одной из своих жен появляться перед лицом белого, и Ван Хорн был до того польщен этой честью, что презентовал каждой глиняную трубку и двенадцать пачек табаку.

Несмотря на поздний час, торговали бойко. Башти захватил львиную долю заработка, принадлежавшего отцам двух умерших парней, и щедро покупал товары «Эренджи». Когда Башти пообещал много новых рекрутов, Ван Хорн, зная изменчивый характер дикарей, стал настаивать на том, чтобы записать их немедленно. Башти колебался и предлагал отложить до завтра, а Ван Хорн уверял, что удобнее всего записать их именно сейчас. Он говорил очень убедительно, и старый вождь послал, наконец, пирогу на берег за парнями, предназначенными для отправки на плантации.

– Ну, что ты на это скажешь? – спросил Ван Хорн Боркмана, у которого глаза были мутнее обыкновенного. – Никогда еще старый плут не бывал так любезен. Быть может, у него что-нибудь неладное на уме?

Помощник поглядел на многочисленные пироги, стоявшие у борта «Эренджи», заметил, сколько было в них женщин, и покачал головой.

– Когда они что-нибудь затевают, своих мэри²¹ они отправляют в лес, – сказал он.

– Ничего нельзя предвидеть с этими неграми, – проворчал капитан. – Сметки у них, может, и не хватает, но время от времени они выдумывают что-нибудь новенькое. А Башти – самый сметливый старый негр, какого я когда-либо знал. Что может помешать ему задумать такую штуку и повести игру шиворот-навыворот? До сих пор они не таскали за собой женщин, когда затевали недоброе, но это еще не значит, что они всегда будут так поступать.

– Даже у Башти не хватит ума на такую штуку, – возразил Боркман. – Просто он настроен сегодня добродушно и раскошелился. Ведь он уже купил у вас на сорок фунтов всякого добра. Вот почему он хочет доставить нам новую партию рабочих и, готов биться об заклад, надеется, что половина перемрет и он сможет растратить их жалованье.

Доводы были веские. Тем не менее Ван Хорн покачал головой.

– Все-таки глядите в оба, – посоветовал он. – И помни те: нам не следует одновременно спускаться вниз. И к водке не прикасайтесь, пока мы не выберемся из этой каши.

Башти был невероятно тощ и поразительно стар. Он сам не знал, сколько ему лет; он только знал, что ни один из его племени еще не родился на свет, когда он был мальчишкой. Он помнил дни, когда родился кое-кто из стариков, живших еще и по сей день; но теперь это были дряхлые, трясущиеся старцы, с подслеповатыми глазами, беззубые, глухие или парализованные. Он не походил на них. Он даже мог похвалиться остатками зубов – дюжиной корней, стершихся до уровня десен, которыми ему и сейчас еще удавалось разжевывать пищу. Хотя прежней юношеской выносливости у него уже не стало, но мыслил он по-прежнему самостоятельно и ясно. И благодаря его ясному мышлению племя стало сильнее с тех пор, как он сделался его вождем. То был меланезийский Наполеон в маленьком масштабе. Воюя, он сумел отодвинуть назад границы лесных жителей. Рубцы на его высохшем теле свидетельствовали о том, что он сражался в первых рядах. Управляя, он поощрял сильных и способных людей своего племени. А в политике он всегда одерживал верх над соседними вождями в заключении выгодных договоров.

И теперь, направляя мысль, он развил план, с помощью которого мог перехитрить Ван Хорна и подставить ножку великой Британской империи; о ней у Башти имелись лишь самые смутные сведения.

А Сомо имел свою историю. То была странная аномалия: приморское племя обосновалось на земле, где обычно живут лишь лесные жители. Фольклор Сомо бросает чуть брезжащий свет в глубь времен. Однажды, давно-давно, в незапамятные времена, некто Сомо, сын Лоти, который был вождем островной крепости Умбо, поссорился со своим отцом и бежал от его гнева. С ним уехали на двенадцати пирогах другие юноши. В течение двух муссонов они странствовали, как Одиссей. Миф повествует, что они дважды объехали Малаиту и, миновав большие моря, вторглись в такие далекие страны, как Уги и Сан-Кристобаль.

После успешных боев они похищали женщин, и, наконец, обремененный женщинами и потомством, Сомо обосновался на берегу большого острова, оттеснил лесных жителей и основал приморскую крепость Сомо. С фронта, со стороны моря, эта крепость была построена, как всякая морская крепость, и обведена коралловыми стенами, чтобы выдерживать натиск моря и случайных врагов, а в стенах были проделаны спусковые полозья для длинных пирог. С тыла, где крепость соприкасалась с джунглями, она походила на любую приморскую деревушку. Но Сомо, родоначальник нового племени, углубил свои владения в лесах до уступов гор, а на уступах основал деревни. Только великих смельчаков, прибегавших к нему, принимал Сомо в свое племя. Хилых же и трусливых племя немедленно поедало, и невероятная повесть о многочисленных головах, украшавших их дома-пироги, превратилась в миф.

²¹ Именем мэри называют в Океании женщин.

И это племя, всю территорию и крепость Башти унаследовал в позднейшие времена. Он приумножил свое наследство и не прочь был продолжать свою умную политику. Долго и тщательно обдумывал он план, созревший в его голове и требующий осуществления. Три года назад племя Ано-Ано, жившее на много миль ниже вдоль берега, овладело судном-вербовщиком, уничтожило его и всю команду и захватило баснословное количество табаку, коленкора, бус, разных других товаров, ружей и амуниции.

Расплата была ничтожна. Спустя полгода военное судно сунуло нос в лагуну, бомбардировало Ано-Ано и загнало всех обитателей его в джунгли. Десант тщательно преследовал беглецов по тропинкам джунглей. В конце концов он удовольствовался тем, что убил сорок жирных свиней и срубил сотню кокосовых пальм. Едва военное судно вышло в открытое море, как племя Ано-Ано вернулось из зарослей в свою деревню. Бомбардировка легких лесных домиков особого вреда не приносит. Поработав несколько часов, женщины привели все в порядок. Что же касается сорока убитых свиней, то все племя накинулось на туши, зажарило их под горячими камнями и устроило пиршество. Нежные верхушки кокосовых пальм также были съедены, а тысячи кокосовых орехов очищены, раздроблены, высушены на солнце и прокопчены в дыму; полученную из них кору можно было продать первому торговому судну.

Таким образом, положенное наказание превратилось в праздник и пиршество. Это произвело впечатление на бережливого и расчетливого Башти. А что принесло пользу Ано-Ано, то, по его мнению, должно было пойти и на благо Сомо. Раз таковы обычаи белых людей, которые плавают под британским флагом, убивают свиней и срубают кокосовые пальмы в отместку за пролитую кровь и захваченные головы, то Башти не видел основания, почему бы и ему не извлечь выгоды, как то сделало племя Ано-Ано. Цена, какую, возможно, придется уплатить в будущем, до нелепости не отвечала этой прямой выгоде. А помимо этого, уже больше двух лет прошло с тех пор, как в последний раз заглядывал на Соломоновы острова британский военный корабль.

Итак, Башти, захваченный новым славным замыслом, разрешил своему народу подняться на борт и вести торг. Очень немногие из его подданных знали, какой план он затевает, да и о существовании замысла мало кто знал.

Торговля все оживлялась по мере того, как к борту подходили новые пироги и чернокожие мужчины и женщины заполняли палубу. Затем появились рекруты – только что пойманные молодые дикари, робкие, как лани, но повинующиеся закону родительскому и племенному. В сопровождении отцов, матерей и родственников, следовавших за ними группами, они спускались вниз, в каюту «Эренджи», где становились перед лицом великого белого господина. Белый господин записывал их имена в какую-то таинственную книгу, заставлял их для утверждения трехгодичного контракта прикасаться правой рукой к перу, которым он писал, и затем уплачивал главе семьи жалованье товарами за первый год.

Старый Башти сидел поблизости и по обыкновению забирал себе львиную долю из каждого аванса. Три его старых жены смиренно сидели на корточках у его ног; одно их присутствие вселяло уверенность в Ван Хорна, который радовался такому обороту дел. Похоже было на то, что его рейс близится к концу и с Малаиты он отплывет с полным комплектом рабочих.

На палубе, где зорко следил за всем Боркман, всюду вертелся Джерри, обнюхивая ноги чернокожих, которых он никогда раньше не встречал. Дикая собака сошла на берег вместе с вернувшимися рабочими, а из них назад на судно пришел только один. То был Леруми. Мимо него Джерри несколько раз проходил, ошетилившись, но Леруми холодно его игнорировал, а затем спустился вниз, купил ручное зеркальце и взглядом заверил старого Башти, что все готово и можно приступить в первый благоприятный момент.

И этот момент наступил по вине Боркмана вследствие его небрежности и неисполнения приказа капитана. Боркман не отказался от водки. Он не почуял того, что надвигалось со всех сторон. На корме, где он стоял, почти никого не было. Чернокожие обоего пола, болтая с судовой командой, толпились на шканцах и на носу. Боркман направился к мешкам с ямсом, привязанным позади бизань-мачты, и достал свою бутылку. Перед тем как глотнуть, он из предосторожности оглянулся. Поблизости стояла безобидная мэри, средних лет, жирная, коренастая и уродливая, и кормила двухлетнего ребенка. Конечно, с этой стороны опасаться было нечего. Кроме того, она, несомненно, была безоружна, так как на ней не было ни клочка одежды, где бы можно было спрятать оружие. У перил, футах в десяти в сторону, стоял Леруми и сладко улыбался перед только что купленным зеркальцем. В это зеркальце Леруми и увидел, как Боркман наклонился к мешкам с ямсом, затем выпрямился и откинул голову, присосавшись к бутылке, перевернутой дном кверху. Подняв правую руку, Леруми дал сигнал женщине, сидевшей в пироге у борта «Эренджи». Она быстро наклонилась, схватила что-то и бросила Леруми. То был томагавк²² с длинной рукояткой. Обух у него был сделан, как у обыкновенного каменного топора, а рукоятка, туземной работы, была грубо инкрустирована перламутром и обмотана плетеньем из кокосовых волокон. Лезвие топора было остро, как отточенная бритва.

Томагавк бесшумно пролетел по воздуху в руку Леруми, а через секунду так же бесшумно перелетел к жирной мэри, с ребенком стоявшей позади помощника. Она обеими руками вцепилась в рукоятку, а ребенок, сидевший верхом на ее бедре, слегка отогнувшись назад, ухватился за мать ручонками.

Мэри еще медлила нанести удар, так как голова Боркмана была откинута назад и мешала перерубить позвоночный столб у затылка. Много глаз следило за надвигающейся катастрофой. Видел это и Джерри, но не понимал. Несмотря на всю свою вражду к неграм, он не мог, конечно, догадаться, что атака будет через воздух. Тамби, случайно оказавшийся подле люка, увидел и потянулся за ли-энфильдским ружьем. От Леруми не ускользнуло движение Тамби, и он свистом дал сигнал мэри.

Боркман, не сознавая, что наступила последняя секунда его жизни, как не сознавал он и первой ее секунды, опустил бутылку и поднял голову. Острое лезвие вонзилось в шею. Что ощутил или подумал Боркман – если он мог что-либо ощущать или думать – в эту вспышку секунды, когда его мозг отделялся от остального тела, – тайна, неразрешимая для всех живых. Ни один человек с перебитым спинным мозгом не произносил еще ни слова, которое бы передало его ощущения. Тело Боркмана осело на палубу, мягко, спокойно, с той же быстротой, с какой был нанесен удар. Он не закачался, но пошатнулся. Он сел, сник так же внезапно, как проколотый пузырь с воздухом. Бутылка выпала из его мертвой руки на мешки с ямсом, а остатки ее содержимого тихонько забулькали по палубе.

Действие развивалось с такой быстротой, что Тамби выстрелил в мэри и промахнулся раньше, чем Боркман осел на палубу. Для второго выстрела времени не было, так как мэри, бросив томагавк и держа обеими руками ребенка, прыгнула к перилам и перескочила за борт, опрокинув оказавшуюся под ней пирогу.

События развернулись молниеносно. Из пирог, стоявших по обе стороны «Эренджи», полился сверкающий, искристый дождь томагавков, с рукоятками, инкрустированными перламутром. Парни из Сомо, стоявшие на палубе, ловили их на лету, а бывшие на борту мэри на четвереньках уползали прочь с поля битвы. В тот момент, когда мэри, убившая Боркмана, прыгнула за перила, Леруми наклонился поднять брошенный ею томагавк, а Джерри, почуяв кровавую войну, вцепился в руку, тянущуюся за томагавком. Леруми выпрямился и в протяжном вое излил свою злобу и ненависть к щенку. И в то же время он изо всех сил лягнул

²² Томагавк – боевая секира северо-американских индейцев.

подскакившего к нему Джерри. Удар пришелся прямо в брюхо и поднял Джерри высоко в воздух.

А в следующую секунду, пока Джерри перелетал через колючую проволоку за борт, а с пирог передавали на судно снайдеровские ружья, Тамби, почти не прицеливаясь, выстрелил вторично. Леруми, снова потянувшийся за томагавком, не успел даже опустить ногу, лягнувшую щенка, как пуля попала ему в сердце.

Он осел на палубу и вместе с Боркманом погрузился в тишину смерти.

Джерри еще не коснулся воды, как уже слава удачного выстрела потеряла всю прелесть для Тамби. В тот самый момент, когда он нажимал спуск, делая этот выстрел, томагавк врезался в его череп у основания мозга, и навсегда померкло для него видение тропического мира, омываемого океаном и палимого солнцем. С такой же быстротой и почти одновременно перешли в небытие остальные люди команды, и палуба превратилась в бойню.

Голова Джерри вынырнула из воды под выстрелы снайдеровских ружей и шум смертельной битвы. Чья-то мужская рука опустилась за борт и вытащила его за загривок в пирогу. Джерри рычал и пытался укунить своего спасителя, но был не столько рассержен, сколько безумно обеспокоен судьбой шкипера. Он знал, совсем о том не думая, что на борту «Эренджи» разразилась величайшая катастрофа, какую смутно предощущает все живое, а знает только человек и называет ее «смерть». Он видел, как упал Боркман. Он слышал падение Леруми. А теперь до него доносились ружейные выстрелы, торжествующий вой и отчаянные крики.

Беспомощно барахтаясь, Джерри визжал, лаял, задыхался и кашлял, пока чернокожий не швырнул его грубо на дно пироги. Затем поднялся на ноги и сделал два прыжка: первый – на шкафут пироги, а второй – отчаянный и безнадежный, не думая о себе, – к перилам «Эренджи».

Джерри не допрыгнул всего на один ярд и снова погрузился в море. Он выплыл на поверхность и отчаянно поплыл, давась и захлебываясь соленой водой, ибо он все еще выл, визжал и лаял, охваченный тоской по шкиперу и желанием быть с ним на борту.

Но мальчик лет двенадцати, сидевший в другой пироге и видевший борьбу Джерри с первым чернокожим, обошелся с ним безо всяких церемоний: сперва он ударил его по голове веслом плашмя, а затем – ребром. Мрак окутал ясный маленький мозг, охваченный любовью, и чернокожий втащил в свою пирогу слабого, неподвижного щенка.

Тем временем внизу, в каюте «Эренджи», пока Джерри, еще не коснувшись воды, летел по воздуху, отброшенный ногой Леруми, Ван Хорн в одной великой и глубокой вспышке секунды познал свою смерть. Недаром старик Башти жил дольше всех своих соплеменников и был мудрейшим из правителей со времен Сомо. Живи он в иное время и в ином месте, он мог бы стать Александром или Наполеоном. Но и теперь он удивительно хорошо проводил свою роль в своем ограниченном маленьком королевстве на подветренном берегу Малаиты, мрачного острова каннибалов.

То была великолепная игра. Хладнокровный и добродушный, строго соблюдая свои права вождя, Башти улыбался Ван Хорну, давал своим молодым подданным царственное разрешение записываться в трехлетнее рабство на плантациях и брал свою долю из каждого аванса за первый год. Аора, которого можно назвать его первым министром и казначеем, принимал подати по мере их выплаты и набивал ими большие мешки, сплетенные из кокосовых волокон. За спиной Башти на койке сидела на корточках стройная тринадцатилетняя девочка с гладкой кожей и отгоняла опахалом мух от его царственной головы. У ног его сидели три старых жены; самая старшая, беззубая и частично парализованная, повинувшись его кивку, то и дело подставляла ему грубо сплетенную корзинку из пандановых листьев.

А Башти, чутко прислушиваясь к первому признаку мятежа на палубе, поминутно кивал головой и запускал руку в подставленную корзинку – то за бетелем, кусочком известки

и неизменным зеленым листом для обертывания жвачки; то за табаком, чтобы набить свою короткую глиняную трубку; то за спичками, чтобы разжечь трубку, которая почему-то частенько гасла.

Старуха все время подносила к нему корзинку, и, наконец, он в последний раз запустил в нее руку. Это произошло в тот момент, когда на палубе топор мэри поразил Боркмана, а Тамби выстрелил в нее из своего ли-энфильдского ружья. И сухая старая рука Башти, покрытая сложной сетью вздувшихся вен, извлекла огромный пистолет – такой древний, что его с успехом мог носить один из «круглоголовых» Кромвеля²³, либо соратник Кироса и Лаперуза. Это был кремневый пистолет, длиной с полруки, а зарядил его в тот день не кто иной, как сам Башти.

Ван Хорн действовал так же быстро, как и Башти, но все же недостаточно быстро. В тот самый момент, когда рука его схватилась за современный автоматический пистолет, вынутый из кобуры и лежавший у него на коленях, вековой пистолет выстрелил. Заряженный двумя жеребейками²⁴ и круглой пулей, он выстрелил. К Ван Хорну метнулось пламя, и он познал мрак смерти раньше, чем с губ его успело сорваться: «Черт побери!» А пальцы, схватившие автоматический пистолет, разжались и уронили его на пол.

Слишком набитый черным порохом, древний пистолет возымел еще одно действие. Он разорвался в руке Башти. Пока Аора, неведомо откуда извлекший нож, отделял голову белого господина, Башти юмористически глядел на свой указательный палец правой руки, болтавшийся на лоскутке кожи. Он схватил его левой рукой, быстро дернул, перекрутил и оторвал; затем, ухмыляясь, швырнул, как игрушку, в корзинку из пандановых листьев, которую все еще его жена держала перед ним одной рукой, а другой зажимала окровавленный лоб, раненный осколком пистолета.

И одновременно с этим трое молодых рекрутов, сопровождаемые своими отцами и дядьями, спустились в каюту и прикончили единственного матроса судовой команды, находившегося внизу.

Башти, проживший достаточно долго, чтобы сделаться философом, мало обращал внимания на боль, а еще меньше – на потерю пальца. Он гордо чирикал и ухмылялся, довольный удачным завершением своего плана, а его три старые жены, вся жизнь которых зависела от кивка его головы, распростерлись перед ним на полу, раболепно принося свои поздравления. Долго прожили они, и этой долгой жизнью обязаны были лишь его царственной прихоти. Они кривлялись, барахтались и лопотали у ног господина жизни и смерти, доказавшего на этот раз, как и всегда, свою бесконечную мудрость.

А тощая, пораженная ужасом девушка, стоя на четвереньках, выглядывала из лазарета, как испуганный кролик из своей норы, и, взирая на эту сцену, знала, что близок кухонный котел и конец жизни.

²³ Кромвель (1599–1658) – лорд-протектор Англии, глава революционеров, которые вели борьбу с Карлом I. – Круглоголовыми вначале называли (презрительно) лондонское простонародье (по прическе «в кружок»), поддерживавшее «долгий» парламент в борьбе с Карлом I. Затем так стали называть политическую партию. Борьба парламента, поддержанная круглоголовыми, закончилась осуждением Карла I на смерть. Казнь его состоялась в 1649 г., и Англия была объявлена «республикой без короля и лордов». Кирос (родился в середине XVI ст., умер в 1614 г.) – известный испанский моряк. В 1596 г. привел обратно на родину эскадру Менданы, потерявшую начальника. Открыл в 1606 г. острова Товарищества и Королевы Шарлотты, или Сайта-Крус, достиг Гебрид (острова Св. Духа), провозгласив их собственностью короны Испании. Лаперуз (1741–1788) – знаменитый французский мореплаватель. Погиб, по-видимому, около острова Ваникоро. Несмотря на принятые розыски, не удалось установить точно места и времени его гибели.

²⁴ Жеребейки – отлитые по калибру пистолета цилиндры вместо пуль.

Глава XII

Джерри никогда не узнал, что произошло на борту «Эренджи». Знал он только, что судно погибло, так как видел его гибель. Мальчик, оглушивший его веслом, крепко связал ему лапы и, выбросив на берег, позабыл о нем, увлеченный ограблением «Эренджи».

С громкими криками и песнями красивую яхту из тикового дерева подтянули длинными пирогами к берегу, как раз к тому месту, где у подножия коралловых стен лежал Джерри. Костры пылали на берегу; на борту зажгли фонари и среди великого ликования ограбили и ободрали «Эренджи». На берег снесли все, что можно было захватить, начиная с железных болванок, служивших балластом, и кончая бегучим такелажем и парусами. В ту ночь в Сомо не спал ни один человек. Даже самые крохотные ребятишки топтались вокруг пиршественных костров или, сытые по горло, валялись на песке. В два часа ночи, по приказанию Башти, корпус судна был подожжен. И Джерри, томясь от жажды, уже не имея сил, чтобы визжать, беспомощно лежал со связанными ногами на боку и видел, как был охвачен огнем и дымом тот плавучий мир, который он так недавно узнал.

При свете горевшего судна старый Башти разделил добычу. Никто из всего племени не был обойден. Даже жалкие рабы, бывшие жители лесов, за все время своего рабства трепетавшие от страха быть съеденными, получили по глиняной трубке и по несколько пачек табаку. Большую часть товаров, не подлежавшую дедежу, Башти отправил в свой большой травяной дом. Вся оснастка и богатое оборудование кеча было сложено в нескольких сараях для пирога. А в дьявольских домах шаманы принялись за работу, высушивая многочисленные головы над тлеющими кострами; а голов было много, так как на борту «Эренджи», помимо судовой команды, находилась дюжина рабочих из Ноола и несколько парней из Малу, которых Ван Хорн еще не доставил на родину.

Однако не все они были убиты. Башти категорически запретил поголовное избиение. Но руководствовался он при этом не гуманностью, а тонким расчетом. Обречены они были все, но Башти никогда не видел льда, не знал о его существовании и не был знаком с холодильниками. Он знал лишь один способ сохранить мясо свежим, а именно – хранить его живым. И пленники были сложены в самом большом сарае для пирога, где помещался «мужской дом» и куда под страхом мучительной смерти не смела войти ни одна мэри.

Связанных, как кур или свиней, их свалили на утрамбованный земляной пол, под которым на незначительной глубине лежали останки древнейших вождей, а над головой, обернутые в травяные циновки, висели предшественники Башти, включая и его отца.

Сюда же принесли из лазарета и тощую маленькую мэри, так как она была предназначена для съедения, а табу не распространялось на приговоренных к кухонному котлу. Ее бросили связанной на пол среди чернокожих, которые, бывало, так насмехались над ней и дразнили, уверяя, что Ван Хорн откармливает ее для кухонного котла.

В этот же дом принесли и Джерри и бросили его на пол. Анго, глава дьявольских лекарей, наткнулся на него на берегу и, несмотря на протесты мальчика, требовавшего его как свою личную добычу, приказал отнести в сарай для пирога. Когда его проносили мимо пиршественных костров, он нюхом почуял, что это за пиршественные блюда. И, как ни ново было для него это открытие, он ошетинился, зарычал и попробовал освободиться от пут. Когда же его бросили на пол, он снова ошетинился и зарычал на своих товарищей по несчастью, не понимая, что и они попали в беду. Поскольку на негров его приучили смотреть как на вечных врагов, то и теперь он считал их ответственными за несчастье, постигшее «Эренджи» и шкипера.

Ведь Джерри был только собакой, с собачьим ограниченным умом и к тому же очень молодой. Но он недолго рычал на пленников. Смутный инстинкт подсказал ему, что и они

тоже несчастны. Некоторые были тяжело ранены и все время охали и стонали. Не отдавая себе в том отчета, Джерри тем не менее почуял, что их положение так же тягостно, как и его. А ему и в самом деле пришлось скверно. Он лежал на боку, а веревки так туго стягивали его лапы, что врезались в нежное тело и замедляли кровообращение. И он изнывал от жажды и с пересохшим языком и горлом задышался в жаре.

Жутким местом был этот дом для пирога, наполненный стонами и вздохами: трупы под полом; создания, обреченные в скором времени стать трупами, на полу; трупы, висящие в воздушных гробах, над головой. Длинные черные пироги, остроносые, напоминающие хищных чудовищ с огромными клювами, смутно вырисовывались при свете тлеющего костра, у которого сидел древний старик племени Сомо за своей нескончаемой работой – прокапчиванием дымом головы дикаря. Высохший, слепой и дряхлый, лопоча и кривляясь, как большая обезьяна, он то и дело поворачивал во все стороны голову, подвешенную в едком дыму, и горсть за горстью подбрасывал гнилую труху в тлеющий костер.

При редких вспышках тусклого костра, сквозь темные поперечные балки проглядывал конек крыши, покрытый циновкой из кокосовых волокон. Когда-то эти волокна были двух цветов – черного и белого, но от дыма приняли почти однотонную грязновато-коричневую окраску. С поперечных балок на длинных крученых веревках свешивались головы врагов, захваченных во время столкновений в джунглях и морских набегов. Все помещение дышало гниением и смертью, и сам слабоумный старик, охваченный параличом и прокапчивающий в дыму символ смерти, был на краю могилы.

Перед рассветом несколько десятков чернокожих с громкими криками приволокли одну из больших военных пирога. Руками и ногами они расчистили место для пирога, расталкивая и отбрасывая в сторону связанных пленников. Они отнюдь не деликатничали с мясом, дарованным им благосклонной судьбой и мудростью Башти.

Потом они расселись вокруг, потягивая глиняные трубки, и, чирикая и смеясь странным тонким фальцетом, стали перебирать события прошедшего дня и ночи. Время от времени то один, то другой растягивался и тут же засыпал, ничем не прикрывшись, так как от рождения они привыкли спать нагими даже под палящими лучами солнца.

Когда стало рассветать, не спали только тяжело раненные или слишком туго связанные веревками да дряхлый старик, который все же был моложе Башти. Когда мальчик, оглушивший Джерри лопастью весла и предъявлявший на него свои права, прокрался в дом, старик его не услышал. И не увидел, потому что был слеп. Он продолжал, безумно хихикая и бормоча что-то, поворачивать голову, коптившуюся в дыму, и подбрасывать труху в тлеющий костер. Никто не обязан был трудиться над этим ночью, даже он, ни на что иное не способный. Но возбуждение, царившее после захвата «Эренджи», передалось и его поврежденному мозгу; смутно вспомнилась ему былая сила и торжествующая жизнь, и он принял участие в триумфе Сомо, занявшись копчением головы, которая являлась символом этого триумфа.

Но двенадцатилетний мальчик, прокрававшийся в дом, осторожно шагал через спящих и пробивал себе дорогу среди пленных, замирая от страха. Он знал, какое табу нарушает. Он не дорос даже до того, чтобы покинуть травяной кров своего отца и спать с юношами в доме для пирога, не говоря уже о доме, где спали молодые холостяки. И теперь, вторгшись в священную обитель вполне созревших и признанных взрослыми мужчин Сомо, он знал, что рискует своей жизнью, со всеми ее смутно ощущаемыми тайнами и стремлениями.

Но он хотел во что бы то ни стало добыть Джерри и добыл-таки его. Только тощая маленькая мэри, предназначенная для кухонного котла, вытаращив от ужаса глаза, видела, как мальчик схватил Джерри за связанные лапы и вынес его из этой кладовой живого мяса. Героическое смелое сердечко Джерри заставило бы его огрызнуться на такое грубое обращение, если бы он не был слишком истощен: из пересохшей глотки не вырывалось ни единого звука. В каком-то полукошмаре, жалкий, беспомощный, почти без сознания, он смутно

ощущал, словно между двумя страшными сновидениями, что его тащат головой вниз из дома, где пахнет смертью, проносят через затихшую деревню и несут вверх по тропинке, осененной высокими ветвистыми деревьями, лениво шелестящими под первым дыханием утреннего ветерка.

Глава XIII

Как узнал впоследствии Джерри, мальчика звали Ламаи, и он нес щенка к себе домой. Незавидный был этот дом, даже по сравнению с травяными хижинами каннибалов. На земляном полу, плотно утрамбованном многолетней грязью, жили отец и мать Ламаи с потомством, состоявшим из четырех младших его братьев и сестер. Тростниковая крыша, протекавшая при сильном ливне, еле держалась. Стены еще сильнее пропускали дождь. Дом Лумаи, отца Ламаи, был самым жалким жилищем во всем Сомо.

Лумаи, хозяин дома и глава семьи, в отличие от большинства малаитян, был толст. И, должно быть, этой тучностью и объяснялись его добродушие и леность. Но жужжащей мухой в эту радостную безответственность врывается его жена Ленеренго – самая сварливая женщина во всем Сомо, настолько же тощая, насколько ее супруг был шарообразен; язык был столь остер у нее, сколь сладкоречив у него; ее кипучая энергия служила противовесом его бесконечной лени; и от рождения мир казался ей пропитанным горечью, тогда как он ощущал лишь его сладость.

Мальчик обошел дом, по дороге заглянул внутрь, где его отец и мать возлежали в противоположных углах, ничем не прикрытые, а посередине, на полу, свернувшись в клубок, как выводок щенят, спали его голые братья и сестры. Вокруг дома, который, по правде сказать, сильно смахивал на звериную берлогу, был рай земной. Воздух был пряный, напоенный сладким благоуханием диких ароматных растений и великолепных тропических цветов. Над головой три хлебных дерева переплетали благородные ветви. Бананы и смоковницы были отягощены гроздьями зреющих плодов. А огромные золотистые дыни-папайя, уже созревшие, свешивались с тонкоствольных деревьев, диаметр которых не достигал и одной десятой диаметра росших на них плодов. Но для Джерри самым восхитительным показалось журчание и плеск незримого ручейка, пробивающего себе путь среди мшистых камней, под прикрытием нежных и изящных папоротников. Ни одна королевская оранжерея не могла сравниться с этой дикой тропической растительностью, залитой солнцем.

Обезумевший от журчания воды, Джерри должен был выносить объятия и ласки мальчика; тот присел перед ним на корточки и, раскачиваясь взад и вперед, затянул странную, мурлыкающую песенку. А Джерри, не наделенный даром речи, не мог рассказать ему о своей невыносимой жажде.

Затем Ламаи крепко привязал его плетеной веревкой и снял путы, врезавшиеся в его лапы. От неправильного кровообращения у Джерри онемели все члены, а, не прикасаясь к воде почти целый тропический день и всю ночь, он так ослабел, что, поднявшись на ноги, зашатался и упал и при каждой попытке встать шатался и падал. Тут Ламаи понял или догадался. Он схватил кокосовую плошку, прикрепленную к концу бамбуковой палки, погрузил ее в заросль папоротников и подставил ее Джерри, наполненную до краев драгоценной водой.

Сначала Джерри пил, лежа на боку; потом, вместе с влагой жизнь влилась в его иссохшие сосуды, и вскоре он смог подняться на ноги, все еще слабый и дрожащий, и, широко расставив лапы, продолжал лакать. Мальчик весело чирикал, любуясь этим зрелищем, а Джерри, почувствовав в себе достаточно бодрости, смог заговорить на красноречивом собачьем языке. Он высунул нос из плошки и розовым языком, похожим на кусок ленты, лизнул

руку Ламаи. А Ламаи, в восторге от того, что они поняли друг друга, подsunул плошку, и Джерри снова стал пить.

Он пил долго. Он пил до тех пор, пока его впавшие от зноя бока не раздулись, как шар, а в промежутках между питьем он в знак благодарности лизал черную руку Ламаи. Все шло хорошо, и так бы и продолжалось, если бы не проснулась мать Ламаи – Ленеренго. Переступив через свой черный выводок, она подняла пронзительный крик, укоряя своего первенца за то, что он привел в дом лишний рот и тем заставит ее хлопотать по хозяйству еще больше.

Затем последовала перебранка, из которой Джерри не понял ни слова, но смысл уяснил. Ламаи был с ним и за него. Мать Ламаи была против него. Она визгливо выражала свое глубочайшее убеждение, что сын ее – дурак и даже хуже дурака, так как дурак – и тот посочувствует матери, обремененной трудом. Тут она стала взывать к спавшему Лумаи; тот проснулся, грязный и жирный, и забормотал ласковые слова на диалекте Сомо в том смысле, что это прекраснейший мир, что все щенки и первенцы – восхитительные создания, что сам он еще ни разу не умирал с голоду, а спокойствие и сон – прекраснейшие вещи, когда-либо выпадавшие на долю смертного; и в подтверждение этого, возвращаясь к мирному спокойствию сна, он уткнулся носом в бицепс руки, служившей ему подушкой, и сразу же захрапел.

Но Ламаи, упрямый как пень, злобно топая ногами и прекрасно зная, что путь к отступлению открыт и он сможет удрать, если мать на него накинется, продолжал отстаивать щенка. Кончилось тем, что, многословно изобразив ничтожество отца Ламаи, Ленеренго снова улеглась спать.

Одна идея порождает другую. Ламаи узнал, как ненасытна была жажда Джерри, и это навело его на мысль, что, быть может, Джерри в не меньшей мере голоден. Подбросив сухие ветви на тлеющие угли, оставшиеся в золе, он развел большой костер, затем навалил на него камней из ближайшей кучи; все камни были закопчены, так как не раз служили для этой цели. Потом он достал из воды ручейка плетеный мешок и вынул из него жирного лесного голубя, которого накануне поймал в силоч. Голубя он завернул в листья и, оградив от огня камнями, засыпал сверху землей.

Когда, спустя некоторое время, он вытащил голубя и снял обуглившиеся листья, распространился такой аппетитный запах, что Джерри наострил уши и ноздри у него затрепетали. Мальчик разодрал на части дымящуюся птицу, и началось пиршество Джерри, а продолжалось оно до тех пор, пока последний лоскуток мяса не был содран с кости, а самые кости разгрызены и проглочены. И в продолжение всего пиршества Ламаи ухаживал за Джерри, мурлыкал свою песенку, гладил и ласкал его.

Что же касается Джерри, то он, утолив голод и жажду, уже не столь сердечно отвечал на эти ласки. Он был только вежлив и в ответ на ласку, поблескивая глазами, вилял хвостом и, по своему обыкновению, извивался всем телом; но в этом проглядывало какое-то беспокойство, он то и дело прислушивался к отдельным звукам и страстно хотел удрать. Это не укрылось от мальчика, и, перед тем как улечься спать, он обвязал вокруг шеи Джерри веревку, а конец ее привязал к дереву.

Джерри некоторое время натягивал веревку, а потом сдался и заснул. Но ненадолго. Слишком томила его мысль о шкипере. Он знал – и в то же время не знал, – что шкипера постигло непоправимое высшее несчастье. Сначала он тихонько визжал и скулил, а затем вонзил свои острые зубы в плетеную веревку и жевал ее до тех пор, пока она не перетерлась.

Освободившись, Джерри, как голубь, возвращающийся домой, понесся стрелой прямо к берегу и морю, по которому плавал «Эренджи» со шкипером. Из Сомо почти все разбежались, а те, кто остался, спали сладким сном. Поэтому никто не досаждал Джерри, пока он пробегал по извилистым тропинкам между многочисленными домами и мимо зловещего

места тотемической геральдики²⁵, где люди, высеченные из цельного куска дерева, сидели в разинутой пасти акул. Племя Сомо, со времен своего основателя Сомо, поклонялось богу-акуле и прочим океанским божествам, так же как богам лесов, болот и гор.

Свернув направо, Джерри миновал коралловую стену и спустился на берег. Но «Эренджи» не было видно на гладкой поверхности лагуны. Повсюду валялись остатки пиршества, и Джерри почуял дым угасающих костров и запах паленого мяса. Многие из пировавших не потрудились вернуться в свои дома, растянулись на песке и спали под лучами утреннего солнца; мужчины, женщины, дети и целые семьи лежали там, где их настиг сон.

Джерри подошел к самому краю воды и сел, опустив передние лапы в воду. Сердце его разрывалось от тоски по шкиперу. Он поднял морду к небу и горестно завыл, как воют все собаки с тех пор, как пришли из диких лесов к людским кострам.

Здесь и нашел его Ламаи, прижал к своей груди, чтобы лаской утешить его горе, и отнес назад, к травяной хижине у ручья. Он предложил ему воды, но Джерри не мог больше пить. Он предложил ему свою любовь, но Джерри не мог забыть мучительную тоску по шкиперу. Наконец, раздраженный упорством щенка, мальчик забыл о своей любви, ударил Джерри по голове и привязал его так, как очень немногие белые люди когда-либо привязывали своих собак. Ведь Ламаи был своего рода гением. Он никогда не видел, чтобы так привязывали собак, но теперь, в минуту нужды, сам изобрел способ привязывать Джерри при помощи палки. Палка была из бамбука, длиной в четыре фута. Один конец он привязал к самой шее Джерри, а другой – к дереву. Джерри мог достать зубами только палку, а сухой бамбук сможет противостоять зубам любой собаки.

Глава XIV

Много дней Джерри, привязанный к палке, был пленником Ламаи. Это время нельзя было назвать счастливым, так как в доме Лумаи постоянно происходили ссоры и стычки. Ламаи ожесточенно сражался со своими братьями, сестрами, не давая им дразнить Джерри, и эти битвы неизменно завершались вмешательством Ленеренго, беспристрастно наделявшей колотушками все свое потомство.

После этого она, по привычке и по принципу, начинала сводить счеты с Лумаи, который всегда кротко подавал голос за тишину и спокойствие, а по окончании спора скрывался на пару дней в дом для пирога. Тут Ленеренго была бессильна. В «мужской дом» не смела проникнуть ни одна мэри. Ленеренго не могла забыть судьбу той последней мэри, которая нарушила табу. Это случилось много лет тому назад, когда сама она была девочкой, но в ее мозгу на всю жизнь запечатлелось воспоминание о несчастной женщине. В первый день она висела, подвешенная за одну руку, под палящими лучами солнца; на второй день ее подвесили за другую руку. После этого она была съедена членами «мужского дома», и еще долго-долго спустя все были необычайно кротки со своими мужьями.

Джерри чувствовал привязанность к Ламаи, но не было в этом ни силы, ни страсти. Это чувство проистекало скорее из благодарности, так как только один Ламаи заботился о том, чтобы он получал пищу и питье. Джерри не мог относиться к мальчику так, как относился к шкиперу и мистеру Хаггину, или даже к Дерби и Бобу. Ламаи был низшим человеческим существом – негром, а в Джерри в течение всей его недолгой жизни внедряли закон, гласивший, что белые люди – высшие двуногие боги.

Однако он не преминул заметить, что и негры наделены разумом и могуществом. Он это принял, не рассуждая. У них была власть над другими предметами, они могли метать

²⁵ Тотемизм – почитание животных. Геральдика – учение о гербах, их разъяснении, составлении и пр.

палки и камни и даже сумели превратить его в пленника, привязав к палке, делавшей его беспомощным. Все же они были своего рода богами, хотя, быть может, и ниже белых богов.

Первый раз в жизни Джерри был на привязи, и ему это не понравилось. Тщетно портил он себе зубы, начавшие уже расшатываться под давлением вторых зубов, росших на смену. Палку он так и не мог осилить. Хотя шкипера он не забыл, но горечь утраты с течением времени потеряла свою остроту, и, наконец, над всеми его мыслями восторжествовало желание быть свободным.

Но, когда настал день освобождения, Джерри не сумел воспользоваться этим и не удрал к берегу. Случилось так, что освободила его Ленеренго. Сделала она это умышленно, желая от него избавиться. Но когда она его отвязала, Джерри замешкался и в знак благодарности повил ей хвостом, улыбаясь своими светло-кариими глазами. Она топнула ногой и сердито закричала, чтобы его прогнать. Этого Джерри не понял; а так как страха он не знал, то его нельзя было спугнуть и заставить удрать. Он перестал вилять хвостом и продолжал на нее смотреть, но его глаза уже не улыбались. Ее поведение он считал недружелюбным и сейчас же насторожился, приготовившись к дальнейшим враждебным действиям с ее стороны.

Она снова крикнула и топнула ногой. Это только заставило Джерри сосредоточить свое внимание на ее ногах. Тут она окончательно разозлилась, попыталась ударить его ногой, а Джерри, уклонившись от удара, куснул ее за лодыжку.

Немедленно разгорелась война, и весьма вероятно, что Ленеренго в бешенстве убила бы Джерри, не появившись на сцену Ламаи. Увидев палку, отвязанную от шеи Джерри, он понял, в чем дело, и, расвирепев, прыгнул между сражающимися и отразил удар, нанесенный каменным пестиком, который легко мог размозжить голову Джерри.

Теперь серьезной опасности подвергался Ламаи. Но когда мать свалила его на землю ударом кулака по голове, бедный Лумаи, разбуженный суматохой, проснулся и попытался восстановить мир. Ленеренго, по обыкновению, забыла все на свете, с наслаждением отдавшись препирательствам со своим супругом.

Дело закончилось довольно безобидно: дети перестали реветь, Ламаи снова привязал Джерри к палке. Ленеренго договорилась до одышки, а оскорбленный в своих чувствах Лумаи удалился в «мужской дом», где мужчины могли почивать в мире и где не докучали никакие мэри.

В тот вечер, в кругу товарищей, Лумаи рассказал о своих злоключениях и поведал причину их, заключавшуюся в щенке, прибывшем с «Эренджи». Случилось так, что рассказ его услышал Агно, главарь шаманов, или верховный жрец, а услышав, вспомнил, как он отправил Джерри в дом для пирога вместе с остальными пленными. Полчаса спустя он уже допрашивал Ламаи. Вне всякого сомнения, мальчик нарушил табу, что Агно и сообщил ему конфиденциально. Тут Ламаи задрожал, заплакал и униженно припал к его ногам, так как наказанием за это была смерть.

Агно представился слишком хороший случай получить власть над мальчиком, и он этот случай упустить не захотел. От убитого мальчика нечего ждать пользы, но мальчик живой, чью жизнь он держал в своих руках, мог сослужить ему хорошую службу. О нарушенном табу никто, кроме него, не знал; следовательно, он мог сохранить это в тайне. Итак, он приказал Ламаи отныне жить в доме для пирога, отведенном юношам; здесь должно было начаться его ученичество; и, пройдя длинный ряд испытаний и церемоний, он мог вступить в «мужской дом» и стать наполовину признанным мужчиной.

Утром, повинувшись приказанию шамана, Ленеренго связала ноги Джерри; дело обошлось не без борьбы, во время которой порядком пострадала его голова, а у нее руки покрылись царапинами. Затем она понесла его вниз, через деревню, чтобы сдать Агно. Дойдя до открытой площадки в центре деревни, где стояли тотемы, она положила его на землю, а сама приняла участие в народном увеселении.

Старый Башти был не только суровым, но и исключительным законодателем. Этот день он предназначил для того, чтобы наложить наказание на двух сварливых женщин, проучить всех остальных женщин и дать возможность подданным еще раз оценить достоинства своего правителя. Тиха и Вивау, коренастые, толстые молодые женщины, давно уже были посмешищем всей деревни из-за своих нескончаемых ссор. Башти приказал им участвовать в беге. Но что это был за бег! Можно было лопнуть со смеху. Мужчины, женщины и дети, взирая на эту сцену, выли от восторга. Даже пожилые матроны и седобородые старцы, одной ногой стоявшие в могиле, радостно визжали.

Путь с полмили лежал через всю деревню, от того места, где был сожжен «Эренджи», и до другого конца коралловой стены. Тиха и Вивау должны были пробежать туда и обратно, причем поочередно одна должна подгонять другую, а та, другая, вынуждена была развивать бешеную скорость.

Только Башти мог придумать подобное зрелище. Тихе дали два круглых коралловых камня, весом в добрых сорок фунтов каждый. Она вынуждена была плотно прижимать их к бокам, чтобы они не покатались на землю. За ней Башти поставил Вивау, которая была вооружена легким и длинным бамбуковым шестом, утыканным на одном конце щетиной из бамбуковых щепок. Щепки были остры, как иглы: ими и пользовались как иглами при татуировке. Этим шестом, усаженным иглами, Вивау должна подгонять Тиху – так же, как люди бодилом подгоняют волов. Серьезных повреждений причинить было нельзя, а лишь сильную боль, но этого-то именно и добивался Башти.

Вивау колола бодилом, а Тиха спотыкалась и шаталась, пытаясь развить скорость. Когда они добегут до дальнего берега, положение переменится – Вивау будет нести камни, а Тиха – колоть бодилом. Вивау знала, что Тиха постарается вернуть ей с процентами полученные уколы, а потому изощрялась, насколько позволяли ей силы. Пот каплями стекал по лицу обеих. У каждой были в толпе свои сторонники, встречающие каждый укол ободрением либо насмешками.

Как ни смехотворно было это наказание, но за ним лежал железный закон дикарей. Камни нужно было нести на протяжении всего пути. Та, кто колола, должна была действовать быстро и рьяно. Но той, которая бежала с камнями, воспрещалось терять терпение и колотить свою мучительницу. Башти своевременно предупредил, что виновная в нарушении этих правил будет выставлена во время отлива на коралловом рифе на съедение акулам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.